БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

А.А. Ерыгин, А.В. Римский

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учебное пособие

Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2021

УДК 343
ББК 67.515
Е 69

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Авторы: А.А. Ерыгин, кандидат политических наук, доцент (раздел 2, 3.2); **А.В. Римский**, кандидат философских наук (введение, раздел 1, 3.1, заключение)**.**

Ерыгин, А. А.

Е 69 Организационно-правовые основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: учебное пособие / А. А. Ерыгин, А. В. Римский. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2021. – 87 с.

ISBN 978-5-91776-377-4

Рецензенты:

Золкин А.Л., доктор философских наук, профессор (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

Борисовский Г.А., начальник ЦПЭ УМВД России по Белгородской области.

В пособии рассмотрены правовые и организационные основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации, раскрывается содержание понятий «экстремизм», «религиозный экстремизм», рассматриваются формы их проявления. Особое внимание обращается на роль органов внутренних дел в механизме противодействия религиозному экстремизму, их взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества. Изучение учебного пособия будет способствовать формированию представления о формах проявления религиозного экстремизма и организационно-правовых основах противодействия данному негативному явлению.

Предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел.

УДК 343
ББК 67.515

ISBN 978-5-91776-377-4

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение …… **4**

Раздел 1. Религиозный экстремизм: понятие и основные формы проявления …… **5**
Вопросы для самоконтроля ……. **29**

Раздел 2. Правовая основа противодействия религиозному экстремизму … **30**
Вопросы для самоконтроля …… **43**

Раздел 3. Организационные основы противодействия религиозному экстремизму …….. **44**
3.1. Организационные основы противодействия религиозному экстремизму на федеральном уровне …… **44**
3.2. Организационные основы противодействия религиозному экстремизму на региональном и муниципальном уровнях ……..…..…. **62**
Вопросы для самоконтроля ……. **72**

Заключение ……...……... **73**

Библиографический список ……. **74**

Приложение 1. Список экстремистских религиозных организаций, запрещенных в Российской Федерации……..…. **84**

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях большую опасность представляет процесс вовлечения населения в деятельность различных деструктивных сект и нетрадиционных для России религиозных учений и культов. Идеологическая основа многих из них отличается крайним цинизмом и открытым надругательством над традиционными вероисповеданиями, тесной связью с криминальными структурами, враждебностью государственным институтам, а практика социального поведения их последователей – неразборчивостью средств для достижения своих узкокорпоративных целей. Большинству из них чужды и неведомы такие понятия, как патриотизм, гражданский долг, моральные нормы и нравственные принципы. Кроме того, обычно обусловленная кризисом нестабильность в обществе снижает действенность и авторитет существующих нормативных правовых механизмов и способов разрешения социальных противоречий. Негативные изменения в уровне жизни, социальном статусе людей и отсутствие позитивных перспектив порождает чувство безысходности и отчаяния, обиды и несправедливости, сближает и объединяет отдельные группы и слои населения на почве протестных настроений и негативного восприятия происходящего.

В сложившейся ситуации потерявшие веру в поддержку государства становятся наиболее восприимчивыми к пропаганде идеологов фундаментализма и радикализма, которые предлагают простые и быстрые варианты выхода из сложившейся ситуации посредством беспощадного террора и уничтожения существующего общественно-политического строя. Поэтому доверчивые и наивные люди, становясь на путь противоправной деятельности, легко находят моральное оправдание своим действиям. Это обычно наиболее ощутимо в «депрессивных» регионах, в многоконфессиональной и многонациональной среде, в мегаполисах и больших городах, где сосредоточены большие массивы мигрантов. Всем этим умело пользуются идеологи фундаментализма и радикализма, для которых кризис и социальные проблемы – самая благоприятная ситуация для пропаганды своих идей и вербовки сторонников.

В этой связи необходимо анализировать теоретическую и правовую базы изучения указанных явлений современных ученых, касающиеся сущности современных форм проявления религиозного экстремизма, чтобы найти новые действующие методы преодоления и искоренения этого явления, а также выработать способы последующей профилактики.

РАЗДЕЛ 1.
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

В конце XX – начале XXI вв. мир столкнулся с ростом экстремизма и терроризма, в том числе и религиозного или имеющего религиозную легитимацию, оказавшись совершенно не подготовленным ни с точки зрения практической борьбы с данными социальными феноменами, ни с позиции их теоретического и прагматического осмысления. И то и другое опирается на принципиальное затруднение в категоризации экстремизма целым рядом наук, от юриспруденции до философии.

В данной работе дан анализ и понимание религиозного экстремизма на исходном предположении о взаимной дополнительности смыслов и определений экстремизма в разных дисциплинах, а также о возможности выявления лакун в определении смыслового поля концептов «экстремизм» и «религиозный экстремизм» на основе сравнительного и междисциплинарного понимания. Это предполагает анализ наличных тезаурусных, прежде всего словарных и энциклопедических, значений концептов «экстремизм» и «религиозный экстремизм» в социально-гуманитарном дискурсе.

Для этого первоначально обратимся к анализу наличных тезаурусных, прежде всего словарных и энциклопедических, значений концепта «экстремизм». На сегодняшний день существует множество определений данного понятия. Необходимо сказать, что в юридической науке не сложилось единого подхода к пониманию и определению понятия «экстремизм». Целесообразно все имеющиеся подходы или точки зрения градировать по двум направлениям. Первое – это доктринальное, которое представлено целым спектром различных научных подходов. И второе законодательное[1]. В определении экстремизма преобладают следующие значения: в толковом словаре русского языка экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам и методам (преимущественно в политике). В словаре «Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура» читаем следующее: «Экстремизм (от фр. *extremisme* – крайний) – приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам и действиям»[2]. Итак, экстремизм – это некое проявление крайне девиантной деятельности и сознания человека, выходящее за некие «нормы» и «правила» и имеющее место в «идеологии» и «политике».

---

[1] Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Экстремизм как политико-правовая категория / Противодействие экстремизму на национальном и международном уровнях: методология, правовые и организационные основы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород, 2018. С. 42–48.

[2] Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник / автор-сост.: В.Ф. Пилипенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2005; [Электронный ресурс]. – URL: http://slovari.yandex.ru/книги/Безопасность.

Правда, где есть «нормы» и «правила», там есть место и праву. Обратимся к нормативно-юридическим определениям экстремизма. Правовая характеристика экстремизма и форм его проявления дана в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «*О противодействии экстремистской деятельности*»[1]. С точки зрения закона, «**экстремистская деятельность (экстремизм)** – это:

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

---

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Таким образом, в Законе дается в основном правовая и политическая характеристика экстремизма, в том числе связанного и с религиозностью граждан, в совокупности определенных взглядов, действий, поступков.

Схожие трактовки существуют и в определении терроризма, что нашло отражение в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ *«О противодействии терроризму»*, в котором терроризм определяется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов»[1].

Имеется и международно-правовое определение **экстремизма**, который, например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. (п. 3 ч. 1 ст. 1) рассматривается как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»[2].

При этом в западной исследовательской литературе при подходе к исследованию религиозного экстремизма утвердилось вполне общезначимое понимание проблемы, которое не ограничивается сиюминутными ситуациями: «Значительные проблемы появляются перед лицом растущих проявлений ненависти, нетерпимости и насилия, связанного с экстремизмом. Религиозный экстремизм может в некоторых случаях приводить к ситуациям, которые трудно контролировать, когда подвергается риску даже само право на мир. Афганистан

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

до недавнего времени представлял собой место, где можно было найти наиболее нетерпимые примеры экстремизма, но вызов религиозного экстремизма не является принадлежностью какого-то одного определенною общества, государства или религии»[1]. Мы в последующем будем придерживаться именно такого подхода к тематике.

В законодательстве США и ряда западноевропейских государств под экстремизмом понимаются дополнительно также **особого рода преступления против личности, совершаемые под влиянием ненависти к лицам иной расы или национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола и сексуальной ориентации, инвалидам. Как видим, отечественное законодательство особо ничем не отличается от международного за исключением «выпадения» гендерного и сексуального экстремизма (об этом сейчас и идут споры в основном с позиций либеральной идеологии).** Надо отдать должное западному дискурсу, формируя который ученые не поддались искушению после событий начала нашего века и не свели проблему религиозного экстремизма только к «исламизму», а перевели в плоскость объективно-правовую, нормативную», не отрицая специфики религиозно-правовой тематики применительно к собственной цивилизации: «Исторический опыт, эмоциональные взаимосвязи и фундаментальные религиозные убеждения накладывают особый отпечаток на отношения религии и светской власти, – отмечает Г. Робберс. – Многообразие религиозно-правовых систем, причем не только в Европейском Союзе, отражает многообразие национальных культур и идентичностей. Кроме того, различные системы в Европе имеют общие корни в совместной истории. Все системы опираются на господствующее положение христианства. Как и европейское право в целом, религиозное право уходит корнями в христианство»[2].

Если не обращаться к «атеистическим временам»[3], то аналогичное понимание мы наблюдаем в современной литературе при определении и религиозного экстремизма, под которым чаще всего понимается **«стремление к крайним взглядам, стремление наиболее фанатичных групп верующих, руководителей и активистов религиозных организаций, а также околоцерковных кругов любыми методами, в т.ч. противозаконными, затормозить кризисные процессы, протекающие в том или ином культе, добиться определенных целей».** Исторический опыт свидетельствует, что одной из причин религиозного экстремизма, наряду с социальной несправедливостью, ошибками в государственно-церковных отношениях, была деятельность отдельных личностей, стремящихся к власти, лидерству или личному обогащению. Религиозный экстремизм часто переплетается с идеологией и психологией национализма. **«Экстремистски настроенные лица, стремясь к своим целям, выступают**

[1] Свобода Религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под общ. ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. – М., 2010. С. 9.

[2] Робберс Г. [и др.] Государство и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). – М., 2009. С. 9.

[3] Атеистический словарь / под общ. ред. М.П. Новикова. – М., 1986. – 512 с.

инициаторами или провоцируют конфликтные действия и рано или поздно вторгаются в сферу государственной компетенции, смыкаясь с политическим экстремизмом»[1].

Ограничение проблематики и смыслов экстремизма как концепта, понятия и феномена сферой идеологии, политики и права (иногда отношениями в частной жизни), формально-логическое и формально-юридическое подведение его под категории «насилия» и «терроризма»[*] и связь с этими формами **ненормативной, агрессивной деятельности** как отдельных индивидов, так и организованных групп, чаще всего маргинальных, связь экстремизма с кризисными проявлениями в сфере экономики, политики, межэтнических и межконфессиональных отношений – наиболее типичное не только для словарных тезаурусов и нормативно-юридических документов, но и для серьезной научной социально-гуманитарной литературы.

Также в научной литературе принято выделение форм экстремизма и терроризма в их взаимосвязи. Чаще всего исследователи говорят о **трех основных формах** проявления экстремизма – **политическом, национальном и религиозном**, – что совпадает с подобным делением и в отношении терроризма. В мультиэтнических и поликонфессиональных государствах, к которым относится Россия, особую опасность представляют последние две его разновидности. Например, Б.К. Мартыненко[2] из многочисленных форм экстремизма выделяет **экстремизм политический** (направленный на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры «тоталитарного порядка» «левого» или «правого» толка); **национальный** (защита «своей нации», ее прав и интересов, ее культуры и языка, с отвержением при этом подобных прав для других); **националистический** (стремление к отделению, обособлению) и **религиозный** (проявляется в нетерпимостик представителям различных конфессий либо жестоком противоборстве в рамках одной конфессии – то, что иногда именуют «сектантством»).

Так, политический экстремизм может трактоваться как идеология и практика применения крайних нелегитимных, нередко насильственных методов и средств политической борьбы. В основе экстремистской идеологии лежат воззрения об исключительной миссии той или иной социальной общности (класса, нации, расы, конфессии и пр.) в судьбах страны и человечества в целом, обоснование и оправдание допустимости использования любых средств для реализации ее интересов. Политический экстремизм может быть присущ и государ-

---

[1] Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/yekstremizm-religioznyi.

[*] Ниже мы обосновываем точку зрения, что и в дискурсном, и в формально-логическом (дискурсивном) анализе очевидна «родовая первичность» экстремизма по отношению к терроризму, хотя концепт «насилия» действительно является «родовым» и более «метафизичным», так как выводит рассмотрение экстремизма в онтологическую глубину соотношения свободы и насилия, свободы человека и тотальности насилия культуры и ее отчужденных форм.

[2] Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: на примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 180 с.

ству в его отношении к оппозиционным силам и собственному населению. Политический экстремизм предусматривает **насильственные действия, направленные на изменения политического строя или политики, проводимой правительством государства.** Его подразделяют, как правило, на «левый» (точнее, ультралевый) и «правый» (ультраправый) экстремизм, которые питаются социальной и экономической неудовлетворенностью, несогласием значительной части общества с политическим курсом правящей элиты и психологической фрустрацией, прежде всего нарастанием личного отчуждения.

«Правый» экстремизм берет на вооружение лозунги защиты экономически или политически **господствующего меньшинства** общества, он выступает за утверждение или сохранение режима, гарантирующего его интересы и привилегии. Наиболее известными его формами являются фашизм, расизм, шовинизм, религиозный фундаментализм и т.п.

«Левый» экстремизм своей целью провозглашает построение **справедливого общества**, свободного от социального гнета и неравенства. Его разновидности: анархизм, троцкизм, маоизм, национальный, религиозный и т.п. «революционизмы». Крайние крылья и «правого», и «левого» экстремизма составляют террористические группы и движения, в том числе международный терроризм. Политический экстремизм обосновывается различными идеями: от псевдореволюционных до фашистских, и сопровождается, как правило, проведением различных террористических актов, убийствами политических деятелей.

В последние годы особую опасность для целостности России представляет **этнический экстремизм** – приверженность к крайним взглядам и методам в теории и практике межнациональных отношений. Его сторонники, выступая с позиций защиты интересов и прав одной нации, открыто и вызывающе попирают права других народов. Их идеология – воинствующий национализм и шовинизм; их политика – этническое насилие в той или иной форме. Это вполне вписывается в международное понимание данной проблемы: «Политическая идентичность является еще одной областью, которая включает в себя религию в самых разных формах. Этничность и религия всегда тесно связаны и имеют большую историю тлеющего конфликта: сербы и хорваты в Югославии, сунниты и шииты в Ираке, мусульмане и христиане как доминирующая религия, а также мусульмане-нонконформисты в Индонезии»[1].

Национальный (этнический) экстремизм и терроризм, часто имеющие религиозную легитимацию, становятся самыми распространенными видами экстремизма в XXI веке, что вполне объяснимо: этнический национализм обладает огромной властью и непредсказуемостью, а этнические конфликты превратились в реальную проблему для многих стран и регионов. В их основе – противоречие между признанием естественного права народов определять свою судьбу («право наций на самоопределение») и принципом национального единства и территориальной целостности государства. С чисто доктриналь-

[1] Свобода Религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под общ. ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. – М., 2010. С. 15–16.

ной точки зрения **этнонационализм отрицает приоритет общечеловеческих ценностей** и считает свою этничность высшей ценностью.

Цель этнического экстремизма – выковать **чисто этническую самоидентификацию**, отстоять и расширить права этноса в политической сфере. Когда экстремисты, насилием утверждая этничность, вызывают на себя огонь государственных и гражданских структур, это привлекает к группе внимание и позволяет им предстать в роли жертвы, что еще больше усиливает общественный интерес и в ряде случаев обеспечивает финансы и поддержку. Насилие – смысл существования таких групп. Пока оно осуществляется, идея жива, а идентичность и наличие этнических различий нельзя отрицать. Конечной целью националистов является создание самостоятельного независимого государственного образования, в котором они претендуют на политическую власть[1].

Миграция – преимущественно этническое явление – приводит к своеобразному «экспорту» и различных экстремистских феноменов, в том числе религиозного толка, связанных с этническими и конфессиональными диаспорами. В Белгородской области, являющейся приграничной, проблема миграции, в том числе, неконтролируемой, стоит более остро, нежели во многих других субъектах Российской Федерации.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области общий миграционный прирост населения в 2020 г. составил 4396 человек, что на 416 человек, или на 8,6%, меньше, чем в 2019 г. Сложившийся в 2020 г. общий миграционный прирост населения в значительной степени стал результатом миграционного обмена со странами СНГ. За 2020 г. миграционный прирост населения со странами СНГ составил 3264 человека, что по сравнению с 2019 г. на 312 человек, или на 8,7%, ниже.

Неконтролируемая миграция часто приводит к усилению конкуренции за рабочие места, к ситуации, когда коренным жителям отказывают в приеме на работу, т.к. проще взять бесправного и более дешевого иммигранта. Формированию этнофобии может способствовать также «низкое качество» миграции – наличие в составе мигрантов значительной доли лиц с низким уровнем образования, профессиональной квалификации и общей культуры, криминального элемента. Так, в Белгородской области в 2019 г. выявлено 17 437 административных правонарушений в сфере миграции (2018 г. – 17 177; +1,5%) в отношении 241 иностранного гражданина приняты решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации (2018 г. –236; +2,1%)»[2].

Особую актуальность для Белгородской области представляют проблемы, связанные с духовно-религиозной безопасностью. Непредвзятый анализ исторических фактов показывает, что негативное влияние на духовно-нравственный климат области оказывает стихийная «миграция из Украины, величина которой составила 2829 человек, или 85,7% прироста от всей международной мигра-

[1] Мартыненко Б.К. Указ. раб.

[2] Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: https://belg.gks.ru/.

ции»[1]. В этой стране практически бесконтрольно процветают многие деструктивные культы международного и отечественного происхождения. Они последовательно создают свои форпосты в Белгородской области, играя в социальном плане роль мины замедленного действия.

Следует также выделить, на наш взгляд, отдельно такой тип и форму, как **информационно-идеологический экстремизм,** сопровождающий основные его формы, отмеченные выше, который также маскируется под «права человека», «свободу слова» и «общечеловеческий гуманизм». Свою роль в профилактике экстремизма играет Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 *«Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности»*[2], однако назрела необходимость модернизации правового регулирования сферы информационно-идеологического, ухода от боязни самого слова «идеология», как якобы «пережитка» советского периода истории России.

Ведь в результате идеологической обработки у молодого поколения искажаются такие духовно-нравственные категории, как «добро», «патриотизм», «справедливость», «милосердие», что напрямую нас выводит также на необходимость профилактики именно религиозной экстремизма во всех его субкультурных проявлениях, в которых молодёжь порой ищет «вечные ценности», которые носят квазидуховную и псевдорелигиозную природу. Религиозная «безграмотность» молодёжи приводит к маскировке противоправных действий субкультурных экстремистских сообществ. Исходя из этого, и необходимо говорить о профилактических гражданско-правовых действиях в сфере воспитания молодёжи и работы с ней.

Так, сильнейшим оружием противодействия экстремизму может стать формирование уже в общеобразовательной и высшей школе целостного представления о мире, религии, политике и культуре. Но те курсы, которые внедрялись в наше образовательное пространство на протяжении последних двадцати лет, до сих пор оставляют желать лучшего. В вузах многие историко-гуманитарные и религиоведческие курсы просто волевым порядком устранены из программ под напором прагматичных «эффективных менеджеров». При этом то, что остаётся для «просвещения» молодого поколения, преподаётся часто абсолютно не подготовленными в научном плане учителями и преподавателями, а чаще всего просто «представителями» конфессий, которые сами порой нуждаются в «просвещении», далеки от действительно объективного и научного подхода к религиозным (и политико-правовым) феноменам, заменяемого догматической апологетикой в духе «вульгарного богословия». Мы вовсе не против, чтобы религиозные деятели давали разъяснение религиозных идей, истории соб-

[1] Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: https://belg.gks.ru/.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru, 12.04.2021.

ственных конфессий и непонятных моментов «священных текстов», устраняя тем самым религиозную безграмотность как путь к религиозному экстремизму.

Поэтому в последние два десятилетия XX века и в начале XXI столетия политический и этнический экстремизм стал вытеснять как информационный, так и**религиозный экстремизм, под которым понимают нетерпимость к представителям той же или других религий.** Часто экстремизм направлен на уничтожение существующих в обществе отношений и, в конечном итоге, на развал многонационального государства, и в этом плане он органически связан с сепаратизмом.

Религиозный экстремизм характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов действий по распространению своих взглядов и реализации своих целей. Характерной чертой религиозного экстремизма выступает крайняя **нетерпимость к инакомыслию**, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, что, несомненно, представляет опасность для стабильного существования государства. Опасность религиозного экстремизма вытекает также из криминальных наклонностей внутренней жизни членов ряда сект, их зомбирования. Криминальные наклонности сект экстремистского плана следуют из их фанатичности и деформированности понимания цели жизни, вседозволенности выбора средств ее достижения, а также слепой подчиненности своему вышестоящему руководству[1]. Однако при квалификации тех или иных религиозных групп и религиозных субкультур в качестве «экстремистских» надо быть предельно осторожными, так как часто их необычность, ***инаковость*** провоцируется на экстремизм институциональными («традиционными») конфессиями, которые сами порой проявляют **нетерпимость, переходящую в экстремизм.**

При всех существующих различиях в формах проявления экстремизма и терроризма, в них можно выделить нечто общее. Это приверженность к крайним взглядам, действиям, формам поведения, жизненной стратегии, склонности к использованию силовых, насильственных методов и средств достижения цели. В своих крайних формах экстремизм, равно как и терроризм – это поведение, направленное на **превышение пределов** допустимого, намеренное нанесение ущерба, разрушающее воздействие, угрожающее существованию человека, общества, природы.

Личности и социальные группы, выражающие радикальные взгляды, есть в любом обществе. Их деятельность в определенной мере амбивалентна: она может как стимулировать общественное развитие, так и препятствовать новациям и нововведениям, а также с определенной долей вероятности трансформироваться в экстремизм и его крайнюю форму – терроризм.

Идеологическая основа экстремизма и терроризма неоднородна. Ее составляют отдельные идеи анархизма, национал-шовинизма, волюнтаризма, тоталитаризма, нигилизма, религиозные, политико-мифологические доктрины и

[1] Бокарев С.Н. Религиозный экстремизм в современной России: социально-философский аспект / Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: сборник материалов «круглого стола» (28 апреля 2005 г.). – М., 2005. С. 9–13.

др. Ценностные установки экстремизма основываются на признании вседозволенности и радикализма, культа силы; на попрании нравственных принципов и идеалов нравственного долга, обязанностей по отношению к людям, обществу, личной ответственности; на пренебрежении к общественным нормам закона, отрицании ценности культуры для личности и общества, цинизме в оценке ее исторических достижений.

В любом типе социального поведения проявляются социальные, личностные качества человека, особенности его психики, уровень культуры, мотивы, потребности, интересы, ценности. Содержание этих компонентов может характеризовать/не характеризовать субъекта поведения как человека культурного, социально и лично ответственного. Экстремистское поведение и терроризм носит асоциальный характер, поскольку опираются на принцип «цель оправдывает средства», выражает стремление идти к цели кратчайшим путем, отрицает права другой личности и ее самоценность. Экстремизм в поведении несовместим с личной культурой, культурным развитием личности. Существенными признаками экстремистского поведения являются безответственное отношение индивида к себе, людям, обществу, правовая и гражданская безответственность, нравственная вседозволенность, своеволие и пр.

Наконец, экстремизм апеллирует к эмоциям, минуя сознание, нередко имеет эпатажный, скандальный, вызывающий характер, что особенно ярко проявляется в молодежной среде. Недостаток социального опыта, высокая эмоциональность, доверчивость при недостаточности самоконтроля и личной ответственности нередко позволяют делать экстремально настроенных людей, особенно молодежь, заложниками политических и иных сил, которые используют их в своих корыстных целях.

К плодотворным попыткам определения экстремизма посредством экспликации его мотивов стоит отнести существующее в литературе деление экстремизма на рациональный и иррациональный. Рациональный экстремизм связан с целерациональным поведением его субъектов, которые ставят перед собой цели понятные и зачастую объяснимые, как, например, экстремисты экологической направленности. Подчас экстремистскими можно считать лишь их средства достижения целей, которые, в свою очередь, может разделять все остальное общество. Иррациональный экстремизм отличают цели, которые локализованы вне рационального поля и подчас ситуативны, мало поддаются объяснению и оправданию. Эта форма экстремизма тесно связана с явлениями психических отклонений и расстройств. Примерами могут служить следующие его формы: молодежный (вандалы), психопатический (немотивированные массовые убийства, например, в школах), спортивный (фанаты) экстремизм[1]. Подобное деление пока не получило распространения и в отношении терроризма, поскольку устоявшаяся парадигма его рассмотрения изначально настаивает на его рацио-

[1] Архипцев Н.И., Демко О.С. Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области / Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сборник материалов социологического исследования. – Белгород: БелГУ, 2008. – 85 с.

нальности в силу его политической мотивации, а расширенное толкование (терроризм как нелегитимное насилие не только политической, но и иной обусловленности), в большинстве случаев не делает акцент на характере мотива, учитывая его природу. Здесь, к сожалению, упущен и момент связи иррационального экстремизма с религиозным сознанием и религией, которая, как известно, является доминирующей (институализированной или субкультурной) формой социальной организации и сублимации иррационального.

Еще один взгляд на проблему экстремизма сфокусирован институционально и текстуально в преобладающей локализации высказываний об экстремизме в поле правового и политического дискурсов. Прежде всего, совокупность высказываний, образующих дискурс экстремизма, касается преимущественно политико-правовой сферы. Из самой формулировки закона об экстремизме четко следует тот круг объектов, которые локализованы в данном дискурсе, а именно: конституционный строй, Российская Федерация, терроризм, социальная, расовая, национальная, религиозная рознь, права, свободы, законные интересы гражданина, избирательные права, насилие и угроза его совершения и т.д.

Круг объектов может быть расширен далее, однако своеобразным родовым признаком будет являться их важность для существования государства, нации, того или иного сообщества в целом. В этом смысле показательно, что экстремизм – это своеобразный предшественник терроризма, почти терроризм. Более всего закон акцентирует тот факт, что экстремизм связан с угрозой насилия или насилием символическим. Однако в этом моменте экстремизм более всего соприкасается с терроризмом до их неразличимости. В других дефинициях экстремизм (например, посягательство на неотъемлемые права человека, в том числе свободу совести и свободу вероисповеданий) сближается с иными формами преступлений, не позволяющими выявить специфику самого экстремизма.

Более интересными нам кажутся такие определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», а также «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии»[1]. Если их рассматривать в совокупности, то отчетливо видна их схожесть. Поскольку возбуждение розни и пропаганда исключительности в своей основе фундированы некой идеологией исключительности. При этом сама исключительность есть также отличие, инаковость, отличие как качество, специфичность, что само по себе не ведет к экстремизму. Очевидно, что речь идет об избыточной исключительности, о такой «концентрации» отличий, которые грозят сообществу распадом или, если выражаться более конкретно, насилием. Именно поэтому экстремизм расценивается как угроза насилия (в том числе и насилия символического).

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

Сам характер высказываний носит нормирующий характер, то есть стремится определенным образом освоить, определить указанную избыточность, что свойственно политическому или юридическому дискурсу. Е.А. Кожемякин определяет юридический дискурс как «исторически и культурно обусловленную речемыслительную деятельность, а также релевантную ей совокупность письменных и устных текстов, направленных на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений»[1]. Отметим еще раз роль нормирования, регулирования и контроля со стороны юридического дискурса. Однако сам характер отношений с объектами, как мы уже выяснили, носит избыточный характер. Очевиден не вполне нормальный характер охватываемых явлений. Если брать крайние их проявления, как, например, такое положение закона, как «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», то в нем экстремизм ставит «под удар», посягает на основу права как такового, на легитимность. И это также противоречие, заключенное в юридическом дискурсе, но проявляющееся при столкновении с явлением экстремизма. Именно он, подобно катализатору химической реакции, выявляет внутреннюю несамодостаточность или ограниченность юридического дискурса, а именно его необходимую связь с дискурсом политическим, явлениями власти и легитимности, а также насилия.

Характеризуя юридический дискурс, Е.А. Кожемякин раскрывает такие стороны этой проблемы: «Во-первых, легитимность правоустанавливающих и правореализующих действий имеет политические основания: политические силы, принципы и идеи, доминирующие в обществе, могут определять содержание законодательства и контролировать его применение на практике. В этом случае цель юридического дискурса – нормализация и регулирование социальных отношений – подчиняется политическим целям установления, распределения и поддержки власти и санкционируется политическими субъектами… Во-вторых, легитимность может быть понята как результат общественного договора, консенсуса относительно норм поведения и взаимодействия. Право в этом случае трактуется скорее в кантианской традиции – как условия и принципы согласования индивидуальных произволов в соответствии с коллективно разделяемым правилом свободы… Источником легитимности и права в данном случае являются не столько государственные нормативно-правовые акты, сколько правовые традиции»[2].

Приведенный анализ связи юридического дискурса и дискурса политико-правового в первом случае более инструментален, поскольку праву отводится роль проводника политической воли, реализатора его идей и установок. Вторая трактовка более метафизична, где связь права с общественным договором и конвенцией по поводу реализации индивидуальных желаний позволяет предположить ситуацию экстремизма как выхода из этого «договора». Традиции как

[1] Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород, 2008. С. 213.
[2] Кожемякин Е.А. Указ. раб. С. 213–214.

источник права в этом случае можно отождествлять с ритуалом, а экстремизм как нарушение этого ритуала либо же отрицание сложившейся системы ритуалов вообще.

Помимо недостаточности как необходимой обусловленности политической, в отношении экстремизма правовой дискурс зависим и в плане такой важной своей цели, как описание объектов нормирования. Причем это описание должно соответствовать довольно строгим критериям, так как «юридический дискурс направлен не просто на точное описание положения дел… в соответствии с категориально-понятийным аппаратом дискурса, но и реализацию таких стратегий, как диагностика личности совершившего преступление, придание наказанию «терапевтического» и исправительного характера, разделение судебного решения между различными инстанциями»[1]. В отношении экстремизма это еще более актуально, чем по отношению к иным преступлениям, поскольку характер объектов (сущностно избыточных) нуждается в привлечении различного рода экспертов.

К сожалению, в научном смысле концепт «экстремизм» (соответственно, и «религиозный экстремизм») фактически отсутствует, трактуется также упрощенно или встречается только в контексте других понятий и дискурсов[2]. Его нет, в частности, в итоговой «Новой философской энциклопедии». Если он и встречается, то в работах по социальной философии или философии политики, где рассматривается соответственно не на уровне метафизики, а в пространстве поверхностной феноменологии. Даже если и пытаются выйти на более глубинные смыслы, как, например, В.И. Красиков, посвятивший этому феномену не одну философскую работу, то также исходят из расширительных трактовок экстремизма: «**Экстремизм… понимается здесь в виде любых анормальных идей и актов поведения тех людей, кто находит свой жизненный смысл в отрицании обычных норм и ценностей**»[3]. Хотя, этот концепт в современной исследовательской литературе[4] получает уже более разнообразные смыслы.

Фактически отсутствуют и развернутые определения религиозного экстремизма в собственно религиоведческой литературе. Если не считать некоторых работ А.В. Журавского и высказываний в дискуссиях[5], то наиболее норма-

---

[1] Кожемякин Е.А. Указ. раб. С. 214.

[2] Напр., см.: Руднев В.П. Экстремальный опыт / Словарь культуры XX века. – М., 1997. С. 376–378.

[3] Красиков В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттренов экстремистского сознания. – М., 2006. С. 6.

[4] Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11-13 окт. 2004 г.). – СПб., 2004; Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. – СПб., 2003; Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. – СПб., 2005 и др.

[5] Выступление руководителя Центра этнорелигиозных и политических исследований Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации А.В. Журавского [Электронный ресурс]. – URL: http://iam.duma.gov.ru/node/2/4401/14237; Журавский А.В. Религиозный экстремизм: реальность или фикция? – URL: http://www.religare.ru/2_2080.html; Журавский А.В. Религиозный экстремизм и фундаментализм: проблемы дефиниций. – URL: http://www.religare.ru/article2269.htm и др.

тивным можно считать такое в энциклопедическом словаре «Религиоведение», принадлежащее А.П. Забияко. Здесь мы читаем: **«Экстремизм религиозный»** (лат. *extremus* – крайний, чрезвычайный) – **тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении.**

Экстремизм религиозный представлен течениями, возникшими:

1) внутри определенной конфессии в результате радикализации существующих догматов, ценностей и норм (анабаптизм в христианстве, ваххабизм в исламе и др.);

2) вне сложившихся конфессий в результате синкретизации разных вероучений или создания новой доктрины (Аум синрикё и др.). Целью экстремизма религиозного является коренное реформирование существующей религиозной системы в целом или какого-либо ее значимого компонента; зачастую реализация этой цели связана с задачами глубокой трансформации сопряженных с религиозной системой социальных, правовых, политических, нравственных и иных устоев общества»[1].

При этом выделятся два основных типа религиозного экстремизма:

– **в нутриконфессиональноориентированный** (определяется конфронтацией со сложившейся вероучительной, культовой практикой или с религиозными институтами);

– **социально ориентированный**, фактически радикальный, провозглашающий утопическое «преображение» личности и общества в координатах транцендентализма.

Отметим, что среди **недостатков политико-правового и социально-философского подходов** можно указать, прежде всего, стремление *расширительно* толковать явление экстремизма, которое охватывает самые разнообразные проявления человеческой деятельности, выходящей за рамки нормативного поведения. В частности, и В.И. Красиков дает именно такое определение экстремизма: **«экстремизм есть действия и идеи, очевидно и решительно нарушающие нормы повседневной жизни, это обоснованные линии поведения, демонстративно конфронтирующие с обычными практиками людей»**[2]. А раз так, то экстремизм оказывается имманентен миру и сущностно с ним связан, это некий исходный «код» жизни, его можно назвать даже «инновационным», поскольку он выходит за рамки сложившихся форм и якобы «является также специфическим жизненным стилем некоторых групп, которые творят свои характерные культуры и свои «символические вселенные». Значения подобных «универсумов» резко противоречат взглядам доминирующей культуры»[3].

---

[1] Забияко А.П. Экстремизм религиозный / Религиоведение: энциклопедический словарь. – М., 2006. – 1220 с.

[2] Красиков В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттренов экстремистского сознания. – М., 2006. С. 16.

[3] Там же.

Таким образом, экстремизм с позиции такого подхода есть не только контркультура или субкультура в период становления и поиска новых форм, то есть, немного утрируя, экстремизм есть все, что выбивается из обыденной, рутинной повседневности людей.

Даже на уровне сравнений купание подвыпившего гражданина в фонтане или немотивированный танец подростка в общественном месте может быть приравнен к экстремистскому поведению. Вместе с тем существует также понятие экстремального, как выходящего за границы принятого или допустимого. И это понятие охватывает экстремальные виды спорта, в которых спортсмены выходят за границы человеческих возможностей. Но очевидно, что такое поведение не есть экстремизм, хотя и он связан с избыточностью свободы человека.

При всем многообразии определений экстремизма в качестве своеобразных «родовых» его атрибутов можно назвать крайний характер действия (экстремистское действие здесь смешивается с экстремальным), подлежащее исключению. И именно последнее, по нашему мнению, есть то особенное, что отличает экстремизм от экстрима. Именно исключение, носящее правовой характер, зафиксированное, нуждающееся в правовой определенности или связанное с ней.

И вместе с тем сама процедура правовой фиксации экстремизма также есть проблема, суть ее в неопределенности. Поскольку крайний характер взглядов или идеологии не может служить достаточным основанием, как мы уже выяснили, номинирование действий в качестве экстремистских становится довольно проблематичным, но проявляющаяся в этом неопределенность может быть также важной характеристикой экстремизма как явления.

Религиозный экстремизм (лат. *extremus* – крайний, чрезвычайный) возникает преимущественно в политико-правовом пространстве в условиях различного рода кризисных процессов и пограничных ситуаций в жизнедеятельности человека и социальных сообществ. Он проистекает из попытки преодолеть рамки (в том числе правовые) институциональной религиозности, имеющей формальный характер и поддерживаемой государством или конфессиональным сообществом. Именно в этом разрыве (чрезвычайная ситуация и кризис) возникает экстремизм как не определенное правом и не сублимированное (не рационализированное) культурой явление.

В настоящее время религиозный экстремизм возникает как активизация неинституциональной, субкультурной религиозности, «веры», незаконными, нелегитимными, неюридическими средствами. При этом выделяются два основных типа религиозного экстремизма – конфессиональный (возникает внутри конфессий и определяется конфронтацией со сложившейся вероучительной, культовой практикой или с религиозными институтами, с нормами канонического права, например, в христианстве) и социально ориентированный, фактически радикальный, провозглашающий утопическое «преображение» личности и общества в координатах мистико-религиозного транцендентализма (здесь наблюдается полный разрыв с действующими нормами права, регулирующими сферу взаимоотношения религии и государства).

Важно также отметить, что все типы и формы экстремизма так или иначе в реальной социальной действительности проявляются в сложном симбиозе, образуют гибридные формы, маскируются под разного рода «позитивные» феномены, которые потом легко воздействуют на неискушенные группы населения, особенно на молодёжь.

В период глобализации, реальной и искусственной (в интересах транснациональных олигархических групп, медийных и финансовых монополий), этнические и социальные группы, которые раньше не взаимодействовали между собой, тесно общаются и взаимодействуют, обмениваются определёнными культурными привычками и стереотипами, подстраиваясь под «актуальную» ситуацию. В этом социокультурном пространстве очень вольготно себя и чувствует экстремизм, носителями которого вступают самые разные социальные группы и сообщества, часто субкультурного толка (а субкультуры весьма привлекательны для молодёжи). При этом религиозный дискурс и символическая оболочка используется деструктивными сообществами для гибридной маскировки политического и этнического экстремизма, а сам религиозный экстремизм в свою очередь мимикрирует под «общечеловеческую религиозность» и «религиозный гуманизм», выступая часто в роли улучшителя традиционных конфессий и религий. Вот эти факторы и обусловливают особую значимость исследования именно как феноменов религиозного экстремизма, так и проблем его гражданско-правовой профилактики.

Что касательно **форм проявления религиозного экстремизм**, то в переходный период, в моменты кризисного состояния общества растет влияние религии на общественную и личную жизнь людей, расширяется спектр религиозных верований, при этом наблюдается всплеск всякого рода суеверий, оккультизма, мистики.

Религиозный бум конца 80-х – начала 90-х годов пережили все представленные в России конфессии. Кризис советского общества, завершившийся распадом Советского Союза, и последующая дестабилизация всех сфер общественной жизни породили, в качестве одного из последствий, проблему личностной самоидентификации для большинства граждан нашей страны. Поиск новых мировоззренческих ориентиров предполагал в виде одной из альтернатив и религиозный ответ на поставленные вопросы. Крушение устоев старого, советского общества и формирование нового, не имеющего определенных идеологических ориентиров, позволили религии стать одним из факторов, оказывающих влияние на политические процессы, протекающие в современной России[1].

Наряду с возрождением традиционных религиозных конфессий, тесно связанных с историей и культурой народов России, в последнее десятилетие активно проявили себя и множество нетрадиционных, новых религиозных объединений и культов. В СМИ все чаще появляются публикации об асоциальной, деструктивной направленности ряда религиозных организаций.

---

[1] Беспаленко П.Н., Римский В.П. Политико-идеологические и социокультурные основания типологии нетрадиционных религий // Известия Тульского государственного университета. 2009. № 1. С. 3–13.

Каковы же основные причины столь большой популярности нетрадиционных религий? Эти причины разнообразны и связаны с процессами, протекающими в основных сферах жизни современного общества. В первую очередь – с его кризисными чертами. Это создало в мире благоприятную обстановку для распространения новых культов. Повторилась уже знакомая по предыдущему историческому развитию ситуация – кризисные моменты в жизни общества приводят к распространению во всех его слоях (правда, в различной степени) увлечения мистицизмом. Так было в России накануне и во время первой мировой войны. Мистицизм в тот период распространился в широких слоях общества. Появились новоявленные пророки и чудотворцы. Наиболее известным из них стал Григорий Распутин.

Во многом аналогичные процессы воспроизводит обострение кризисных явлений и сегодня. Признают это порой и некоторые политики. Например, комиссия во главе с бывшим вице-президентом Национального собрания Франции депутатом-социалистом Аленом Вивьеном, проводившая исследование по теме «Секты во Франции», сформулировала именно такие выводы[1]. «Объективными феноменами, – заключает комиссия, – объясняется смерть идеологии или, по крайней мере, тот факт, что рациональное теряет притягательную силу. Это свидетельствует о разрушении интеллектуальных основ индустриального общества»[2].

Религиозное законодательство лишь отчасти отражает комплекс политических, социальных и мировоззренческих причин появления религиозных новообразований в России. Л.А. Баширов, Ю.П. Зуев, Г.М. Керимов и др. отмечают так называемые глобальные проблемы, относя к таковым, прежде всего, «экологию и опасность войн – локальных и региональных»[3]. К последствиям переходного периода российской истории конца XX столетия исследователи относят исчезновение единого великого государства, определявшего в совсем недавнем прошлом геополитическую картину планеты; радикальное изменение государственного устройства, институтов власти и ее атрибутов, сопровождающееся бурным процессом государственного строительства и формирования нового правопорядка; разрушение прежней политической системы и государственной идеологии. Образование идеологического вакуума, разрушающего душу народа, по мнению авторов, сопровождается исчезновением системы приоритетов и ценностей, заменяемых западными ценностями. Но главное, как считают авторы – это ослабление духовного потенциала нации, той основы, «на которой издревле покоилась мощь нации и государства.

Сегодня, – отмечают исследователи, – только формируется национальная идея, цель и стратегия развития человека, общества, нации, государства, переосмысливается их роль в человеческой цивилизации»[4]. Важно понять, почему обострение кризисных явлений толкает людей именно в объятия пророков но-

---

[1] Беспаленко П.Н., Римский В.П. Указ раб. С. 3–13.

[2] Римский А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма: дис. … канд. филос. наук. – Белгород, 2012. – 159 с.

[3] Новые религиозные движения в России: учебник. – М.: РАГС, 2002. С. 479, 481, 525.

[4] Там же. С. 482.

вых культов. Причин и факторов достаточно много, и мы стараемся ограничиться наиболее существенными. Прежде всего потому, что культы предлагают человеку многое из того, чего он лишен в повседневной жизни в силу распада социальных институтов и духовных ценностей.

Предлагаются новые альтернативы.

Вместо дискредитировавшей себя политической идеологии модерна или тоталитаризма – достаточно привлекательная по форме вера в «вечные» идеалы. Вместо развалившейся семьи – секта, в которой все члены объединены общими интересами и единым образом жизни. Вместо безработицы – труд на предприятиях организации. Выдвигается и «альтернатива» реальной угрозе гибели вследствие обострения международных отношений и ядерной войны, а также возможной экологической катастрофы. Пророки обещают спасение. Все это привлекает к ним многочисленных сторонников.

Вместе с тем распространение нетрадиционной религиозности отнюдь не стихийный процесс. В нем заинтересованы политические представители правящей элиты в странах «золотого миллиарда». И здесь выражен существенный парадокс. С одной стороны, члены нетрадиционных сект протестуют против существующего общества. С другой – протест используется правящей элитой, эксплуатируется ею.

Весьма успешная деятельность нетрадиционных организаций обусловлена в немалой степени и тем фактом, что традиционные религиозные системы, по нашему мнению, остаются достаточно холодными к страданиям людей. Блеск храмов не остановил массовую секуляризацию. В них не остановлены расколы, порождающие недоверие и разочарование простых верующих, не смогших найти ответы на духовные вопросы в традиционных религиях. В новых же культах человеку обещают все проблемы решить сразу и сейчас.

Специфика организации и повседневной практической деятельности нетрадиционных культов позволяет выявить и конкретные причины, которые ведут людей к ним. **Каждый культ – это сплоченный коллектив, вдохновляемый «групповыми» целями. Вступив в него, человек ощущает себя как бы частицей «общего дела»,** избавляется от чувства одиночества, приобщается к тем ценностям и взаимоотношениям, которые, по его мнению, давно забыты окружающим миром. Руководители общин понимают притягательность подобных чувств и настроений и настойчиво рекламируют свои организации как оазисы «подлинной человечности», прообразы грядущего коллективизма, спасительные колонии небожителей.

В современной научной среде религиоведы, культурологи, социологи, философы, политологи ведут спор о том, насколько правомерно употребление понятий **«нетрадиционные» или «новые религии»**[1]. Тем более, что помимо этих наиболее распространенных понятий употребляются и такие, как **«новые культы», «неомистицизм», «молодежные религии», а также нетолерантные «деструктивные культы» и «тоталитарные секты».** Иногда новые религии называют **«вневероисповедными», «эзотерическими».** Мы предлагали для

[1] Беспаленко П.Н., Римский В.П. Указ раб. С. 3–13.

спецификации новых культов употреблять понятие **«субкультурные религии»** как более толерантное и мировоззренчески нейтральное. Все эти понятия достаточно условны, не в полной мере отражают специфику рассматриваемого явления и далеки от философской категоризации. Например, так ли уж все «новые религии» можно характеризовать как «нетрадиционные»? Так или иначе, почти все они связаны с предшествующей («традиционной») религиозной, магической, мифологической или оккультной практикой. Например, современные ориенталистские (восточные) культы многое берут из иудаизма и буддизма, наполняя парапсихологическими идеями и масскультовскими образами, фантазиями и практиками. Пророки «неомистицизма» (чаще всего именно это понятие употребляют для характеристики современной мистики), принимают на вооружение мистический, магический и религиозно-философский опыт прошлого (мистику древнего Египта, Индии, гностико-манихейства, средневекового ведовства и каббалы).

Также относительна и «новизна» современных религий. Она связана, в первую очередь, с характером социальных функций, которые выполняют эти религиозные учения в современном мире, зачастую перекодируя и переинтерпретируя старые религиозно-мифологические символы и образы. Это сказывается и на их содержательной стороне, обрядности и культовой практике, на отношении к традиционным религиям и соответствующим институтам.

При этом современные религиозные новации могут быть сведены к следующим.

В вероучении: настойчивое повторение мысли о том, что нетрадиционные вероучения не являются религиями; создание новой канонической литературы или своеобразное прочтение старой; соединение в вероучении черт нескольких религиозных систем (религиозный синкретизм); особое внимание к мистицизму, оккультизму и т.п.; в той или иной мере критика господствующего общественного строя.

В ритуально-культовой практике: необычность и экзотичность обрядовой стороны с целью максимального воздействия на эмоции и воображение человека; в большинстве случаев коллективный характер ритуальной практики.

В институциональной организации: зачастую отсутствие строго установленной структуры на первых порах существования культа и ее отличие от традиционной церковной организации в последующем; активность новых религиозных организаций в производственно-финансовой сфере; общинная организация жизни верующих со строгой регламентацией жизни; авторитарная система отношений с явно выраженным культом харизматического лидера, основателя «церкви» или общины.

И все-таки, несмотря на относительно незначительную порой новизну новых вероучений понятия **«нетрадиционные» и «новые религии»** сегодня правомерно употреблять в научной и публицистической литературе. Они достаточно полно отражают суть явления.

Что же из себя представляют новые религии? Каковы их основные типологические формы? К нетрадиционным или новым религиям исследователи сегодня относят те, которые с точки зрения организации, ритуально-культовой

практики и догматики не укладываются в рамки прежних религиозных систем и представлений о них. Массовое распространение новой религиозности относится к 60-70-м годам нашего века. Поэтому сегодня число религиозных направлений, причисляемых к нетрадиционным, достигло, по меньшей мере, нескольких десятков. Во всем их разнообразии в первую очередь с точки зрения содержания можно выделить несколько типов.

Прежде всего, можно выделить такие, как **«неохристианские»** (преимущественно синкретического характера – объединяющие христианское вероучение с элементами восточных религий. Например, А.А. Радугин относит к ним **«Церковь объединения», «Дети Бога», «Церковь тела Христа»)**, **«неоориенталистские»** (модернизирующие различные варианты психотехнической практики индуизма и буддизма в западной интерпретации – **«Общество сознания Кришны», «Миссия Божественного света», «Махарай джи», тантрические культы), магико-обрядовые и сатанинские группы.** В своей совокупности они являются следствием мировоззренческого кризиса западной цивилизации, ответом общественного сознания на предельный прагматизм протестантского индивидуализма. Характеризуемые рядом исследователей (Л.М. Митрохин, А.А. Радугин, А. Дворкин) как «харизматические культы», с точки зрения цивилизационного подхода они также являются трансляторами ценностей Запада по своей мировоззренческой направленности[1].

К наиболее известным деструктивным культам, действующим на территории стран СНГ, можно отнести также, опираясь на различные источники, следующие группы и организации: **Церковь унификации (муниты), Церковь саентологии (дианетика, Хаббард-колледжи), Трансцендентальная медитация (ТМ), «Белое братство», «Богородичный центр» (Марианская церковь); «Церковь последнего завета» (Виссарион); Шри Чинмой; «Дети бога» («Семья любви»); группы движения Нью эйдж (Новая эра), «Южный крест», «Черное братство» (сатанисты) и целый ряд других.**

Право человека на свободный выбор своего духовного пути совершенно цинично представляется как право на осуществление под лозунгом «свободы совести» любой антигосударственной, антиобщественной, антигуманной по своей сути, прямо преступной деятельности, своего рода «духовного терроризма».

В число нетрадиционных религий исследователи сегодня включают возродившиеся чисто мистические течения; оккультизм, магию, спиритизм, каббалистику и т.п. Корни их уходят еще в Средние века, а порой и в глубокую древность. Особенность мистических учений всегда состояла в стремлении дать теоретическое обоснование и практически использовать своеобразное мировосприятие, в основе которого лежит утверждение, что за видимым миром скрыт иной, который считается подлинно существующим. Первый – иллюзорный, мнимый. Мистические вероучения провозглашают способность отдельных людей (они в той или иной мере наделяются чертами исключительности, избранности) воздействовать на скрытый мир, использовать его в своих целях. В качестве доказательства существования «потустороннего мира» приводятся ссылки

[1] Беспаленко П.Н., Римский В.П. Указ раб. С. 3–13.

на психологические явления: экстаз, галлюцинацию, интуицию, озарение. Они связываются с проявлениями иного мира, иной жизни[1].

Современная мистика отличается рядом особенностей. В практическом отношении речь идет о чрезвычайно разнообразной системе методов и приемов «воздействия» на «потусторонний мир». Они берутся современными адептами из арсенала практически всех когда-либо существовавших мистических действий. Здесь гадание, магия, ясновидение, практическая каббаллистика и т.д. Одних только способов гадания насчитывается несколько десятков. К их числу относится:

- пиромантия (гадание по огню);
- рапсодомантия (гадание по старинным стихам);
- арифтомантия (гадание по цифрам);
- хиромантия (гадание по руке);
- библиомантия (гадание по священным книгам);
- онейроскопия (разгадывание снов) и многие другие приемы.

В теоретическом отношении мистика сегодня представляет совокупность псевдонаучных дисциплин, цель которых теоретически обосновать мистическое мировоззрение и мистическую практику.

Как правило, они объединяются в так называемые «оккультные науки»:

- **спиритизм** (его содержание сводится к разработке, применению и обоснованию методов «общения с потусторонними силами»);

- **теософия** (она связана с анализом и пропагандой идеи непосредственного познания бога и в этой связи с изучением необъяснимых явлений природы, а в области общественной жизни с идеей так называемого общечеловеческого братства);

- **антропософия** (ее адепты пропагандируют необходимость познания бога через непосредственную связь с потусторонним миром);

- **астрология (**в сферу ее интересов входит изучение воздействия небесных тел на жизнь людей).

Современная теоретическая мистика существенно отличается от мистических учений прошлого тем, что ее адепты используют не только религиозный опыт. Для своих целей они нередко обращаются к науке, спекулируя на недостаточно исследованных ею проблемах или интерпретируя по-своему открытия ученых. Кроме того, мистические учения все более политизируются. Накопленный мистиками прошлого опыт воздействия на человеческое сознание находит конкретное применение в ходе идеологической обработки масс.

Также к нетрадиционным религиям сегодня относят так называемые **«саентологические» (наукоподобные) религии.** Существование их достаточно парадоксально, поскольку наука и религия ранее всегда противопоставлялись друг другу. Сегодня же мы имеем дело с тенденцией противоположного свойства. Они взаимопроникают, отчего страдает научное знание, которое используется для теоретического обоснования новой культовой практики, для разработки догматики новых церквей. **Примером таковых служит *«Церковь***

[1] Беспаленко П.Н., Римский В.П. Указ раб. С. 3–13.

***саентологии»*, созданная Л. Хаббардом.** Используя внешне научные термины, он разработал основные принципы своего учения («наукологии»). Основная мысль Л. Хаббарда: в душе человека накапливается множество следов пережитых горестей и невзгод («энграмм»). С помощью приборов их можно обнаружить, а впоследствии специалисты-саентологи способны очистить душу человека до начала «конца света». Сегодня церковь насчитывает около 6 миллионов последователей.

К наукоподобным относятся сегодня и некоторые другие культы. В первую очередь – **«космические религии».** В основе их лежит обожествление внеземных цивилизаций. **«Космический бог»** представляет собой порождение новой эпохи развития человечества. Вера в него родилась вначале как простое увлечение космическими проблемами. Но сегодня она в полной мере может рассматриваться как религиозное течение. Здесь проявляются многие черты нетрадиционных религиозных культов. Сторонники увлечения «пришельцами» отказываются признавать доводы науки. Состав кружков адептов «внеземных цивилизаций», как правило, постоянен, многие из их поклонников увлечены параллельно «оккультными науками», нередко с пришельцами из космоса связываются надежды на достижение «рая».

Наукоподобные религии основаны на искаженном изображении древних ритуальных методов исцеления человека. Эти методы трактуются как проявление сверхъестественных способностей отдельных людей, противопоставляются научным способам исцеления. К верованиям такого рода относится направление, основанное на специфической трактовке опыта клинической смерти. Одним из его столпов является французский врач и философ Р. Моуди, опубликовавший несколько книг с изложением своих «открытий». В работах «Жизнь после жизни» и «Размышления после "Жизни после жизни"» он анализирует свидетельства людей, переживших состояние клинической смерти. На основе анализа Р. Моуди делает вывод о наличии в их воспоминаниях совпадений. Автор насчитывает 15 повторяющихся деталей. И хотя Р. Моуди, на первый взгляд, сам отрицает загробную жизнь, весь строй книги укрепляет в человеке веру в ее существование. Отметим, что автор постоянно стремится отождествить «воспоминания» людей о «жизни после жизни» с сюжетами из Библии и религиозной литературы. И этим подтверждается вывод о том, что в данных случаях попыток трактовки клинической смерти в духе «жизни после жизни» мы имеем дело не с новейшими научными открытиями, но с религией в одной из ее новых форм.

Цель всех тоталитарных сект – не только завербовать ничего не подозревающих граждан, но и получить доступ к влиянию на власть. Они не стремятся к немедленной прибыли: они вкладывают средства в экономику стран, дают значительное «благотворительное пособие» в валюте государственным чиновникам, наращивают свое влияние в СМИ. Немаловажная роль в этой духовной войне против России, Украины и остальных стран бывшего СССР на Западе отводится религиозному фактору – подрыву духовных, нравственных устоев. Еще Бисмарк предупреждал всех о том, чтобы с Россией не вздумали воевать в открытом бою, что ее можно одолеть только одним способом – развалив изнутри.

Для успешного внедрения в России наиболее опасных тоталитарных сект в ее интересах были предприняты соответствующие «обработка» и «операции по привлечению на свою сторону» преподавательского состава школ и иных учебных заведений. Например, руководство церкви Муна пыталось через «проникшихся» учением секты преподавателей пронести и насадить это учение среди учащейся молодежи всей страны, охватить ее возможно шире, приобрести в ее среде максимально возможное количество сторонников и адептов. По данным российской общественной организации «Комитета по спасению молодежи»[1], в сотни различных культовых новообразований уже вовлечено от 3 до 5 млн человек, из них в возрасте до 18 лет – 500 тысяч, 18–25 лет – миллион. Разрушено до 250 тысяч семей, появилось большое количество несовершеннолетних детей, оставленных родителем, ушедшим в секту.

Под понятие «тоталитарные секты» или, как их называют на Западе, деструктивные культы по определению ученых-богословов, психологов, социологов подпадают такие псевдорелигиозные организации, которые используют:

1) обманную вербовку;

2) контроль и манипулирование сознанием членов общины, чтобы сохранить их зависимыми и покорными лидеру и доктрине (для этого существуют специальные методики кодирования, внушения, гипноза, специальной, так называемой агрессивной диеты);

3) создание материальной зависимости культистов от лидера и его помощников («апостолов»);

4) насилие над личностью человека.

Оторванность культистов от общества, близких людей, активная бомбардировка сознания внушением необходимости жить по законам секты, промывка мозгов, своеобразная диета (как правило, вегетарианская, с лишением любых животных продуктов), контроль за поведением, депривация (лишение) сна, активное навязывание своей любви приводят к резко выраженной внушаемости. На этом фоне культисты легко поддаются активным и пассивным гипнотическим воздействиям проповедей своих лидеров. Лидеры используют цензуру информации, поступающей к членам секты, прибегают к психологическому давлению, запугиванию и другим формам удержания членов в организации, тем самым нарушают право человека на свободный информированный выбор мировоззрения и образа жизни.

Особенную опасность деструктивные культы представляют для легко внушаемых лиц: даже после первого прослушивания аудио- или видеопроповеди у них возникает стремление войти в секту, а там уже этих людей ждет массированная психологическая обработка. В конце концов их психика становится зомбированной, и они целиком подпадают под влияние своих лидеров или их «апостолов». Поэтому речь идет об активном воздействии на личность человека и ее порабощении. Как же у культистов проявляется изменение психики, называемое «зомбированностью»?

[1] Сайт Московского комитета по спасению молодежи от деструктивных культов [Электронный ресурс]. – URL: https://ukrsekta.info/static/ksmdk.html.

Обращают на себя внимание потухший взгляд, маловыразительное лицо, отсутствие интереса к окружающему и близким людям, безынициативность, стремление уйти из дома, покинуть родителей, жену, мужа или детей. Причем одним из главных требований в некоторых культах является именно разрыв отношений со своими родными (например, в секте Виссариона). Развиваются социально-семейная дезадаптация, то есть изменения личности становятся такими, что человек не может нормально трудиться, учиться, уживаться в семье, его мысли сосредоточены на жизни в секте, среди приверженцев своего культа.

У культистов формируется тоталитарное мировоззрение, что приводит к преобладанию групповых интересов над личными и развитию синдрома «мы/они», разделяющего мир на два враждебных лагеря: «мы» (культисты) и все остальные люди, не принадлежащие к данному культу. Групповая воля оказывается выше воли индивидуальной, внушается чувство элитарности и взгляд на мир с позиции поляризованности: культ – хороший, мир вне культа – плохой, спасения в нем нет, а значит, и нет пути назад.

Для всех культов характерна вера в то, что их верование представляет абсолютную истину. Поддерживается клевета на критическое мышление, рациональную и умственную деятельность как на нечто чуждое или пагубное. **Для многих культов характерным является разрыв с семьей («Белое братство», «Богородичный центр», «Аум синрикё», секта Виссариона и др.), друзьями, прошлыми интересами, работой, учебой. Все мысли и влечения концентрируются на жизни и общих интересах культа.**

Нетрадиционные религиозные движения используют различные методики контроля за сознанием и поведением культистов, создают прямую и скрытую зависимость – психологическую, физическую, финансовую, от лидеров и организации, ограничивают свободу выхода, нередко внушая страх перед выходом из секты, предупреждая о суровых или сверхъестественных карах за отступничество от секты. При этом люди держатся часто на страхе и чувстве вины, находятся в постоянном напряжении, что нередко приводит к невротическим и психическим срывам, депрессии, самоубийству.

Особо важное значение в культах придается строго организованной и хорошо продуманной вербовке в свои ряды новых членов. Она включает в себя разнообразные виды обмана, сбор средств для своих целей, причем цели эти, как правило, скрываются. Создается атмосфера секретности, проводятся ритуалы посвящения (инициации) с включением мер предосторожности и нередко взятием расписок о неразглашении тайны, что часто практикуется в восточных и сатанинских культах.

Тоталитарные секты (деструктивные культы) активно пытаются проникнуть и внедриться в органы образования, здравоохранения, государственного управления, производства и коммерции. При этом они часто меняют названия и прибегают к конфессиональной анонимности, часто действуют под прикрытием ими же созданных подставных организаций, не афиширующих, а то и скрывающих свою связь с сектой. Эксперты Министерства внутренних дел России определяют тоталитарность сект как культивирование слепого подчинения авторитету, жесткую организацию, контроль всех сторон жизни адептов.

Анализ причин активизации и типологии форм нетрадиционных религий помогает сориентироваться в калейдоскопе новых культов, подчеркивает их отличительные, характерные черты. Типичными для которых могут быть изменения концепции Бога (например, подмена понятием Абсолюта), концепции человека (в частности, утверждение его изначально божественной сути), концепции спасения (так, на смену вероятного загробного воздаяния приходит обращение к прикладным методикам изменения сознания и психического состояния личности, дающим реальное чувство облегчения и успокоения в этом мире и сейчас).

Таким образом, если традиционные религии имеют глубокие корни в психологии, менталитете, в быту, системе праздников и обрядов, типе и способе мышления этноса, в литературе и искусстве, то новые культы, особенно зарубежного происхождения, не имеют ничего общего в народе. Они вытесняют традиционную религию, притом достаточно агрессивно, поскольку борьба ведется за жизнь, за территорию, за влияние на людей. Сохраняются также глубинные предпосылки возникновения и пополнения рядов религиозных объединений, деятельность которых при определенной конъюнктуре способна обрести асоциальный характер. Религиозная ситуация пока в какой-то мере остается заложницей экономического, социального и политического развития всей России.

Вопросы для самоконтроля:

1. Сравните определения экстремизма в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Сформулируйте понятие «экстремизм».
3. Перечислите и охарактеризуйте основные формы экстремизма.
4. Назовите характерные черты религиозного экстремизма.
5. Охарактеризуйте основные течения и типы религиозного экстремизма.
6. Сформулируйте понятие «религиозный экстремизм».
7. Назовите основные причины популярности нетрадиционных религий.
8. Все ли «новые религии» можно характеризовать как «нетрадиционные»?
9. Что из себя представляют новые религии? Каковы их основные типологические формы?
10. Раскройте содержание понятия «тоталитарные секты».

РАЗДЕЛ 2.
ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Правовую основу противодействия экстремистской деятельности составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1], иные федеральные и региональные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации, федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации[2] формулирует базовые принципы противодействия экстремизму, входящие в структуру основ конституционного строя и основ правового положения человека и гражданина:

- свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28);
- осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17);
- запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13);
- запрещаются также любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19);
- не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29).

Названные конституционные положения одновременно устанавливают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе[1].

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы России, создают правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия экстремизму и устанавливают обязанности государств имплементировать нормы международного права в национальное законодательство. Международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем предусматривают, что всякое выступление в пользу религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом. Указанные международно-правовые стандарты отражены, в частности, во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Декларации Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений).

Под защитой *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* 1950 г. не находится деятельность, если она имеет целью упразднение прав и свобод, закрепленных в Конвенции, и тем самым разрушение демократии; связана с призывами к насилию или проведением политики, не уважающей демократию или направленной на разрушение демократии или попрание прав и свобод, признанных в демократии; очевидно стремится навязать каждому свои религиозные символы и понятие общества, основанного на религиозных предписаниях; как следствие, никому не может быть позволено ссылаться на положения Конвенции для умаления или упразднения идеалов и ценностей демократического общества[2]. Согласно ч. 2 ст. 9 указанной Конвенции «свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц»[3].

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1344 (2003) «*Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе*», обращая внимание на необходимость законодательного ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений, для целей борьбы с экстремизмом подчеркивает, что тенденция некоторых экстремистских движений найти обоснование своих действий в религии таит в себе двойную опасность: с одной стороны, это способствует разжиганию нетерпимости, религиозного фанатизма и фундаментализма, а с другой – ведет к изоляции целых религиозных

[1] Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
[2] Там же.
[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

общин из-за отдельных лиц, злоупотребляющих общечеловеческими ценностями религии (п. 4)[1].

Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. стала первым международным договором, в котором дано самостоятельное легальное определение **экстремизма,** под которым понимается какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством (подп. 3 п. 1 ст. 1). Одновременно она содержит нормы об обязательствах государств-членов:

- осуществлять сотрудничество в области предупреждения, выявления и пресечения указанных деяний;

- принимать такие меры, какие потребуются, чтобы такие деяния ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести;

- рассматривать указанные деяния в качестве преступлений, влекущих за собой выдачу, а также взаимную правовую помощь по уголовным делам;

- назначить центральные компетентные органы по вопросам, связанным с выполнением положений Конвенции, которые вправе сноситься и взаимодействовать между собой[2].

Основополагающими **документами стратегического планирования**, определяющими цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учётом стоящих перед Российским государством вызовов и угроз, являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации* от 31 декабря 2015 года[3] в числе **основных угроз государственной и общественной безопасности** называет «деятельность террористических и экстремистских организаций, а также деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленную на нарушение единства и территориальной целостности

[1] URL: http://www.coe.ru/ (дата обращения: 11.03.2021).

[2] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Одним из направлений государственной национальной политики, реализуемой органами публичной власти, институтами гражданского общества, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «*О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года*»[1], является недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

В *Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года*[2] одним из основных источников угроз экстремизма в современной России названо «проникновение из других государств лиц, проходивших обучение в теологических центрах и проповедующих исключительность радикальных религиозных течений и насильственные методы их распространения». Тревогу вызывает также «процесс распространения радикальных взглядов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, их вовлечение в совершение преступлений экстремистской направленности». Особую опасность, как отмечено в п. 21 *Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации*, представляют «приверженцы радикальных течений ислама, в частности, не относящиеся к представителям народов, традиционно исповедующих ислам, однако отличающиеся религиозным фанатизмом, вследствие чего их легко склонить к совершению террористических актов, в том числе в качестве смертников».

В современных условиях необходимо искать новые подходы в рамках противодействия угрозам информационной безопасности, одной из которых является использование информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях. Указом Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 утверждены *Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности*. Основными направлениями реализации государственной политики в указанной области по созданию условий для противодействия угрозе использования информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях, являются:

а) содействие разработке и реализации на глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем уровнях комплекса мер, направленных на противодействие угрозе использования информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях;

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 29.05.2020.

б) развитие сотрудничества с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с экстремизмом, по вопросам противодействия угрозе использования информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях;

в) содействие созданию эффективного международного механизма контроля за использованием информационно-коммуникационных технологий для предотвращения их использования в экстремистских целях, а также в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств;

г) содействие выработке порядка межгосударственного обмена информацией о распространении материалов запрещенных экстремистских организаций, а равно иной информационной продукции, содержащей материалы данных организаций[1].

Отдельные положения, связанные с организацией противодействия экстремизму, содержатся в *Концепции внешней политики Российской Федерации,* утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640: «Российская Федерация как многонациональное и многоконфессиональное государство, имеющее многовековой опыт гармоничного сосуществования различных народов, этнических групп и вероисповеданий, способствует развитию диалога и формированию партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, в том числе в рамках ООН, других международных и региональных организаций; поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества; активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны; противодействует экстремизму, радикализации общественных настроений, нетерпимости, дискриминации и разделению по расовому, этническому, конфессиональному, лингвистическому, культурному и иным признакам»[2].

Концепцией общественной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г., определены основные угрозы общественной безопасности, среди которых обозначена «экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране»[3].

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru, 12.04.2021.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886.

[3] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».

Основными **направлениями деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия экстремизму**, согласно подп. «б» п. 28 *Концепции общественной безопасности*, являются:

- «принятие профилактических, воспитательных и пропагандистских мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности и развитию социальных и межнациональных конфликтов, противодействие экстремизму на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения экстремизма, четкого разграничения функций и зон ответственности сил обеспечения общественной безопасности, противодействие распространению экстремистских материалов через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

- выявление субъектов экстремистской деятельности, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций путем осуществления мер по предупреждению такой деятельности, совершенствование мер организационного и оперативного характера, направленных на пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц»[1].

В *Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 2793-о* отмечается, что исходя из «угроз государственной и общественной безопасности со стороны религиозного экстремизма и терроризма, федеральный законодатель правомочен установить не только основания, условия и порядок проведения мероприятий по борьбе с этими антисоциальными явлениями, но и комплекс мер политического, социально-экономического, информационно-пропагандистского, организационного, правового характера, которые относятся к мероприятиям общего противодействия им»[2].

С учетом изложенного становятся объяснимыми цели, формулируемые Федеральным законом «*О противодействии экстремистской деятельности*», к которым относится: а) защита прав и свобод человека и гражданина; б) защита основ конституционного строя; в) обеспечение целостности и безопасности Российской Федерации. Указанный Федеральный закон в ст. 2 закрепляет основные **принципы противодействия экстремистской деятельности,** среди которых: а) признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; б) законность; в) гласность; г) приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; д) приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;

[1] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 2793-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

е) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; ж) неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности[1].

Противодействие экстремизму согласно ст. 3 Федерального закона «*О противодействии экстремистской деятельности*» включает в себя принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. К мерам досудебного принуждения относятся объявление предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности и вынесение предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности.

Федеральный закон «*О противодействии экстремистской деятельности*» (ст. 14) устанавливает ответственность должностных лиц, государственных и муниципальных служащих за осуществление ими экстремистской деятельности. **Основаниями для наступления такой ответственности** являются:

- высказывания должностного лица, а также иного лица, состоящего на государственной или муниципальной службе, о необходимости, допустимости, возможности или желательности осуществления экстремистской деятельности, сделанные публично, либо при исполнении должностных обязанностей, либо с указанием занимаемой должности;

- непринятие должностным лицом в соответствии с его компетенцией мер по пресечению экстремистской деятельности.

Закон обязывает соответствующие государственные органы и вышестоящих должностных лиц незамедлительно принять необходимые меры по привлечению к ответственности лиц, допустивших проявления экстремизма.

Административная ответственность предусмотрена за правонарушения, посягающие на права граждан, правонарушения в области связи и информации, правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. К экстремистским правонарушениям, посягающим на права граждан, относятся:

- нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (ст. 5.26 КоАП РФ);

- организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности (ст. 20.28);

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

- массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения (ст. 20.29) [1].

Уголовная ответственность предусматривается за преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

К таким преступлениям относятся:

а) преступления против конституционных прав и свобод личности: дискриминация в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам (ст. 136);

б) преступления против общественной безопасности, общественной нравственности, безопасности государства: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); создание экстремистского сообщества, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, участие в экстремистском сообществе (ст. 282.1 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ); финансирование экстремистской организации (ст. 282.3 УК РФ)[2]. Причинение вреда здоровью, убийство и иные уголовные преступления рассматриваются как преступления экстремистского характера, если они совершаются по мотивам религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какого-либо лица или социальной группы. При этом указанные мотивы становятся отягчающими обстоятельствами преступления.

Центральное место принадлежит ст. 148 «**Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий**», поскольку указанное преступление посягает на религиозную безопасность как элемент общественной безопасности. «Сама религиозная безопасность представляет собой состояние политико-правовой защищенности и социальной стабильности религиозных отношений, в том числе религиозного мира, свободы совести и вероисповеданий, невмешательства государства и кого бы то ни было в дела религиозных организаций, недопустимость распространения деструктивных культов, деятельности тоталитарных сект, проявлений религиозного экстремизма»[3].

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «*О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности*» под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности,

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 3 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 43.

высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. При этом критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды[1].

Федеральный закон «*О противодействии экстремистской деятельности*» устанавливает определенные запреты, касающиеся деятельности общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений на территории Российской Федерации. Запрещается деятельность общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых признана экстремистской в соответствии с международно-правовыми актами и федеральным законодательством. При этом следует учитывать правовую позицию, выраженную в *Определении Конституционного Суда Российской Федерации* от 2 июля 2013 г. № 1053-О, о том, что «ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями. Иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина»[2].

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «*О свободе совести и о религиозных объединениях*»[3] регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений. Закон запрещает, в частности, «воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропа-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1053-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL:http://www.pravo.gov.ru, 18.07.2013.

[3] Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

гандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, а также проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания» (ч. 6 ст. 3).

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «*Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации*» определяет полномочия высших исполнительных органов государственной власти российских регионов (правительств, администраций), которые должны осуществлять «в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму»[1].

В ряде российских регионов, в частности, Дагестане, Ингушетии, Тыве, приняты законы о профилактике экстремистской деятельности, под которой понимаются «меры социального, воспитательного и иного характера, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений, направленные на устранение причин и условий проявления экстремистской деятельности»[2].

Законы субъектов Российской Федерации устанавливают также **основные направления профилактики экстремистской деятельности**:

1) принятие профилактических мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

2) взаимодействие с общественными объединениями и религиозными организациями, средствами массовой информации и гражданами с целью гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений;

3) совершенствование межнационального диалога в обществе для урегулирования конфликтных ситуаций по социально значимым вопросам и ликвидации их последствий;

4) рассмотрение вопросов, связанных с созданием организационных и ресурсных предпосылок для проявлений экстремистской деятельности[3].

Отдельные положения, касающиеся противодействия религиозному экстремизму закрепляются в **документах стратегического планирования регионального уровня.** Так, одним из целевых показателей Подпрограммы «*Гармо-*

---

[1] Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

[2] Закон Республики Ингушетия от 29 декабря 2018 г. № 51-РЗ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Ингушетия» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.01.2019.

[3] Закон Республики Тыва от 13 декабря 2016 г. № 236-ЗРТ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Тыва» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru, 14.12.2016.

низация межнациональных отношений, этнокультурное развитие народов и профилактика экстремистских проявлений в Магаданской области» на 2015–2021 годы является количество общественных или религиозных объединений, ликвидированных по причине осуществления ими экстремистской деятельности[1].

Концепция противодействия экстремизму в Калужской области до 2025 года, утвержденная Постановлением Правительства Калужской области от 18 сентября 2015 г. № 534, устанавливает основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, среди которых, в частности, «обеспечение реализации прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания без нанесения ущерба религиозным чувствам верующих и национальной идентичности граждан России»[2].

Фундаментальную основу для осуществления деятельности по профилактике экстремизма **на муниципальном уровне** создает Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «*Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации*», в котором к числу вопросов местного значения муниципального района отнесены, в частности:

1) участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения (п. 6.1 ст. 15);

2) создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (п. 6.2 ст. 15)[3].

Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 «*О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан*» в ст. 9 устанавливает **полномочия органов местного самоуправления в сфере профилактики экстремистской деятельности**, которые:

- «организуют информирование и консультирование населения муниципальных образований по вопросам профилактики экстремистской деятельности;

- утверждают программы по профилактике экстремистской деятельности на территории муниципальных образований;

- принимают меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих распространению экстремистской идеологии, осуществляют ме-

---

[1] Постановление Правительства Магаданской области от 6 ноября 2014 г. № 947-пп (ред. от 24.07.2019) «Об утверждении государственной программы Магаданской области «Содействие развитию институтов гражданского общества, укреплению единства российской нации и гармонизации межнациональных отношений в Магаданской области» на 2015-2021 годы» // Приложение к газете «Магаданская правда». 2014. № 92(20744).

[2] Постановление Правительства Калужской области от 18 сентября 2015 г. № 534 «Об утверждении Концепции противодействия экстремизму в Калужской области до 2025 года» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 25.09.2015.

[3] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

роприятия по недопущению агитации и пропаганды экстремистской идеологии, организуют информационное сопровождение проводимых мероприятий в средствах массовой информации»[1].

Особого внимания заслуживают **муниципальные программы по профилактике терроризма и экстремизма** (г. Кемерово[2], г. Саянск[3], Терский муниципальный район Кабардино-Балкарской Республики[4]), поскольку «борьба с экстремистской и террористической деятельностью и ее последствиями не является гарантией того, что в ближайшем будущем подобное не повторится и не появятся новые формы проявления противоправной деятельности»[5].

В целом следует согласиться с мнением о том, что «региональные (локальные) планы по профилактике экстремизма и терроризма должны предусматривать: а) совершенствование нормотворческой деятельности и правоприменительной практики в данной сфере; б) разработку, апробацию и внедрение научно обоснованных мер предупреждения преступлений экстремистской направленности; в) оптимизацию механизма межведомственного сотрудничества в этой области и координации данного вида деятельности»[6].

Важное место в механизме правового регулирования противодействия религиозному экстремизму занимают **решения Конституционного Суда Российской Федерации**. Так, в *Определении от 17 июня 2008 г. № 452-О-О* по запросу Сахалинской областной Думы Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о разграничении предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по противодействию терроризму и экстремизму. В соответствии с правовой позицией, выраженной органом конституционного правосудия, «Конституция Российской Федерации непосредственно не определяет противодействие терроризму и экстремизму в качестве сферы ответственности какого-либо одного уровня публичной власти. Конституцион-

---

[1] Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 (ред. от 29.12.2018) «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. 2016. № 75-76.

[2] Постановление администрации г. Кемерово от 10 июля 2017 г. № 1913 (ред. от 31.12.2019) «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика терроризма и экстремизма на территории города Кемерово» на 2018–2022 годы» / Официальный сайт «Электронный бюллетень органов местного самоуправления города Кемерово» [Электронный ресурс]. – URL:www.pravo-kemerovo.ru, 10.07.2017.

[3] Постановление администрации муниципального образования «город Саянск» от 23 августа 2019 г. № 110-37-933-19 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в муниципальном образовании «город Саянск» на 2020–2025 годы».

[4] Постановление Местной администрации Терского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики от 17 декабря 2019 г. № 783-п «О муниципальной целевой программе «Профилактика терроризма и экстремизма в Терском муниципальном районе КБР» на 2020–2022 годы» // Терек-1. 2019. № 145.

[5] Шерникова Д.А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 28–32.

[6] Буткевич С.А. Региональные аспекты предупреждения преступлений экстремистской направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 28.

но значимые цели данного направления деятельности Российской Федерации как демократического федеративного правового государства обусловливают необходимость осуществления системы правовых, организационных, экономических, воспитательно-идеологических и иных мер превентивного, пресекательного и восстановительного характера. Их реализация, в свою очередь, предполагает необходимость осуществления государственных полномочий как в сфере ведения Российской Федерации, так и в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Федеральный законодатель, устанавливая компетенционные, организационно-правовые, финансово-экономические и иные основы противодействия терроризму и экстремизму, вправе определять содержание и объем полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по противодействию терроризму и экстремизму»[1].

В *Определении Конституционного Суда Российской Федерации* от 7 декабря 2017 г. № 2793-О (п. 3.1) отмечается необходимость указания на выпускаемой религиозной организацией и на распространяемой от ее имени литературе, печатных, аудио- и видеоматериалах ее полного официального наименования и подчеркивается, что наличие маркировки «способствует осуществлению более эффективного надзора со стороны органов государственной власти за соответствием деятельности религиозных организаций законодательству Российской Федерации, в том числе в сфере противодействия экстремизму»[2].

Таким образом, правовую основу противодействия экстремистской деятельности, включая религиозный экстремизм, составляют правовые акты нескольких уровней: международные, федеральные, региональные и муниципальные.

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 452-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности подпункта «а» пункта 2 статьи 21 и подпункта 51.1 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 1.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 2793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Вопросы для самоконтроля:

1. Назовите нормы Конституции Российской Федерации, составляющие правовую основу противодействия религиозному экстремизму.
2. Какое значение для организации сотрудничества государств в сфере противодействия религиозному экстремизму имеют общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации?
3. Какие обязательства государств по борьбе с экстремизмом устанавливает Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.?
4. Назовите документы стратегического планирования, определяющие задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, включая религиозный экстремизм.
5. Какие принципы противодействия экстремистской деятельности закрепляет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»?
6. Какое значение для организации противодействия религиозному экстремизму имеет Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»?
7. Перечислите основные направления профилактики экстремистской деятельности, установленные законами субъектов Российской Федерации.
8. Перечислите вопросы местного значения муниципальных образований, связанные с противодействием религиозному экстремизму, которые закрепляет Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
9. Какие меры по профилактике экстремистской деятельности предусмотрены муниципальными программами?
10. Какое значение для правового регулирования противодействия религиозному экстремизму имеют акты Конституционного Суда Российской Федерации?

РАЗДЕЛ 3.
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Одним из направлений современной правовой политики Российского государства является обеспечение этноконфессиональной безопасности в условиях исторически изменяющихся отношений между институтами государства, гражданского общества и религиозными организациями. Происходящие в стране и мире социально-экономические, политические, культурные и другие изменения оказывают влияние на личностные, психологические установки отдельных людей, что находит отражение в религиозных учениях[1].

Важнейшей частью комплекса мер по противодействию экстремизму во всех его проявлениях является создание, развитие и реализация правовых основ через создание системы нормативных правовых документов, призванных четко определить субъекты антиэкстремистской деятельности, их средства, методы, цели и задачи. Под **организационной основой противодействия религиозному экстремизму** понимается система органов государственной власти и органов местного самоуправления, наделенных соответствующими полномочиями.

3.1. Организационные основы противодействия религиозному экстремизму на федеральном уровне

Категория «**субъект противодействия экстремизму**» в юридическом отношении введена ст. 4 Федерального закона *«О противодействии экстремистской деятельности»*[2]. В соответствии с ней к субъектам противодействия экстремизму относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах их компетенции. В *Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 452-О-О* указано, что «противодействие терроризму и экстремизму – в силу самой природы этих противоправных деяний как угрожающих коренным интересам личности, общества и государства, – составляет **общегосударственную задачу**, непосредственно не определяет его в качестве сферы ответственности какого-либо одного уровня публичной власти. Конституционно значимые цели данного направления деятельности Российской Федерации обусловливают необходимость осуществления системы правовых, организационных, экономических, воспитательно-

[1] Андреева О.А. Этноконфессиональные конфликты и противоречия как следствие комплекса социальных проблем в полинациональных регионах // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 9.

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

идеологических и иных мер превентивного, пресекательного и восстановительного характера»[1].

Организационные основы противодействия экстремизму в Российской Федерации определены в ст. 4 Федерального закона «*О противодействии экстремистской деятельности*», где перечислены полномочия главы государства и Правительства Российской Федерации в рассматриваемой сфере, а также указано, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции. Обращает на себя внимание необоснованное отсутствие органов прокуратуры, Следственного комитета, законодательных (представительных) органов государственной власти в перечне субъектов противодействия экстремизму.

Федеральный закон *«О противодействии экстремистской деятельности»* в ст. 3 устанавливает два **основных направления противодействия экстремистской деятельности**: а) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; б) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Органы государственной власти, реализуя правоохранительную функцию государства согласно ст. 4 Федерального закона «*О противодействии экстремистской деятельности*», с одной стороны, выступают единым механизмом в борьбе с проявлениями экстремизма, в т.ч. религиозного, в российском обществе, а с другой – практикуют своеобразную «специализацию труда», т.е. выделение трех ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Высшее структурное звено противодействия религиозному экстремизму образуют Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, суды, деятельность которых в зависимости от компетенционной составляющей их административно-правового статуса направлена на поддержание правопорядка в обществе[2].

Особое место в структуре высших органов государственной власти занимает **Президент Российской Федерации**, который является главой государства. Конституционно-правовой статус главы государства в области охраны правопорядка обусловлен тем, что он обеспечивает единство государственной власти, устойчивость системы управления государственными делами, согласованное функ-

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 452-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности подпункта «а» пункта 2 статьи 21 и подпункта 51.1 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 1.

[2] Пролетенкова С.Е. Субъекты противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 21.

ционирование ветвей власти в условиях разделения властей и т.д. Что касается его полномочий в сфере правоохраны и поддержания правопорядка, можно с уверенностью сказать, что они носят широчайший характер. На практике это находит выражение в том, что все стратегические решения – от организационного обновления правоохранительных структур до усиления борьбы с преступностью на отдельных направлениях были инициированы именно президентскими указами.

Для решения проблем в области государственно-конфессиональных отношений, противодействия религиозному экстремизму функционирует **Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации**[1]. Основными функциями Совета являются: а) обеспечение взаимодействия главы государства с религиозными объединениями; б) содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

В соответствии с указанными функциями Совет призван решать следующие **задачи**:

- представлять Президенту Российской Федерации аналитические материалы и доклады, рекомендации по вопросам его политики в области взаимоотношений государства и религиозных объединений;
- обсуждать проекты федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, затрагивающие взаимоотношения государства и религиозных объединений, и готовит соответствующие предложения главе государства;
- изучать проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий;
- анализировать зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживать контакты с соответствующими структурами иностранных государств;
- публиковать справочные и информационно-аналитические материалы по вопросам, входящим в компетенцию Совета.

Председателем Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации является Руководитель Администрации главы государства. Членами Совета по состоянию на 1 января 2021 г. являются 23 человека, 15 из которых представляют различные конфессии и религиозные организации: Русскую православную церковь; Русскую православную старообрядческую церковь; Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников); Армянскую апостольскую церковь; Буддийскую традиционную сангху России; Евангелическо-лютеранскую церковь; Католическую церковь; Церковь христиан – адвентистов седьмого дня; Центральное духовное управление мусульман России.

[1] Распоряжение Президента Российской Федерации от 2 августа 1995 г. № 357-рп (ред. от 28.06.2010) «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3294.

Определенный вклад в регулирование государственно-конфессиональных отношений вносят палаты Федерального Собрания Российской Федерации. Так, в Государственной Думе действует **Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений**[1]. При Совете Федерации функционирует **Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями**, Положение о котором утверждено распоряжением Председателя Совета Федерации от 1 декабря 2015 г. № 220 рп-СФ[2].

Основными **задачами Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями** применительно к рассматриваемой теме являются изучение вопросов законодательного регулирования взаимоотношений государства с религиозными объединениями, участие в совершенствовании законодательного обеспечения:

- защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе гарантий свободы совести и свободы вероисповедания;
- деятельности общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий и религиозных объединений;
- предупреждения дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также предупреждения национальной, расовой, религиозной исключительности, нетерпимости, ненависти или вражды;
- укрепления и развития институтов гражданского общества;
- укрепления общественного согласия, достижения взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Значителен вклад в противодействие религиозному экстремизму федеральных органов исполнительной власти. В частности, Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2006 г. № 438 создана **Комиссия по вопросам религиозных объединений**[3] и утверждено Положение о ней. Комиссия выступает «координационным органом, образованным для рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений». Согласно п. 1 Положения деятельность Комиссии направлена на обеспечение согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти и организаций по реализации положений законодательст-

---

[1] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 15.12.2020) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

[2] Распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 220 рп-СФ (ред. от 16.11.2016, с изм. от 02.03.2020) «О Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2006 г. № 438 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3400.

ва Российской Федерации, касающихся свободы совести, свободы вероисповедания, гарантий прав человека и гражданина независимо от отношения к религии, а также светского характера государства, и на оказание содействия межрелигиозному диалогу в интересах консолидации российского общества.

Основными **задачами Комиссии по вопросам религиозных объединений** являются:

а) подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Правительства Российской Федерации;

б) информационно-аналитическое обеспечение деятельности Правительства Российской Федерации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений;

в) координация деятельности органов исполнительной власти в сфере взаимоотношений с религиозными объединениями.

По состоянию на 1 января 2021 г. в **Комиссию по вопросам религиозных объединений** входят 27 человек, включая заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (председатель Комиссии); Министра просвещения; заместителей федеральных министров (Министра юстиции; Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций; Министра внутренних дел; Министра иностранных дел; Министра финансов; Министра обороны – начальника Главного военно-политического управления Вооруженных Сил; Министра труда и социальной защиты; Министра культуры; Министра науки и высшего образования); руководителя Федерального агентства по управлению государственным имуществом; руководителя Федерального агентства по туризму; руководителя Федерального агентства по делам национальностей; заместителя начальника Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике; директора Департамента культуры, спорта, туризма и национальной политики Правительства Российской Федерации; заместителя начальника управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации; двух заместителей Председателя Совета Федерации; председателя Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений.

Федеральные органы исполнительной власти в рамках своей компетенции обладают определенными полномочиями в рассматриваемой сфере. Так, к функциям **Федерального агентства по делам национальностей** (ФАДН России) относятся, в частности: а) профилактика любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; б) предупреждение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды[1].

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2015 г. № 368 (ред. от 19.06.2020) «О Федеральном агентстве по делам национальностей» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам национальностей») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2564.

ФАДН России участвует также в оценке эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике национального и религиозного экстремизма; организует проведение научных и научно-практических, в том числе социологических, исследований в сфере государственной национальной политики, в том числе по вопросам противодействия национальному и религиозному экстремизму.

В качестве еще одного субъекта противодействия экстремизму следует выделить **Министерство юстиции Российской Федерации**. Согласно Положению, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313[1], Министерство юстиции ведет и публикует федеральный список экстремистских материалов, перечень общественных объединений и религиозных организаций, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, а также перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности.

Основными направлениями совершенствования федерального списка экстремистских материалов являются: создание единой системы описания материалов экстремистской направленности (для возможности их индивидуализирующего описания); выделение в структуре разделов (например, по способу передачи информации: аудио-, видеоматериалы, фотографии, печатные издания и проч.), облегчающих поиск; создание базы данных с возможностью поиска материалов по их изображениям (обложек книг, скриншотов и проч.), которые могли бы быть использованы гражданами для проверки собственных домашних библиотек, носителей электронной информации, страниц социальных сетей на предмет наличия или отсутствия материалов, признанных запрещенными[2].

При Министерстве юстиции учрежден Научно-консультативный совет по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма[3]. Согласно п. 2 Положения о **Научно-консультативном совете его задачами являются:**

- изучение и компетентная оценка информационных материалов религиозного содержания, представленных в Совет для получения его заключения или отобранных Советом, на предмет наличия в них признаков экстремизма;

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313 (ред. от 06.08.2020) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4108.

[2] Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 53.

[3] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22 июля 2009 г. № 224 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма» // Российская газета. 2009. № 141.

- содействие деятельности правоохранительных и судебных органов по выявлению и пресечению фактов распространения информационных материалов, возбуждающих межрелигиозную и межнациональную рознь, унижающих достоинство граждан по признаку их отношения к религии, пропагандирующих исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их религиозной принадлежности;

- обобщение и анализ информационных материалов, признанных в установленном законом порядке содержащими признаки экстремизма, а также признанных таковыми решением Совета, в целях выработки предложений федеральным органам государственной власти по профилактике и пресечению религиозной, национальной и иной нетерпимости;

- опубликование разъяснений и комментариев в целях осведомления гражданского общества об отдельных аспектах религиозных взглядов и учений.

Ведущее положение среди правоохранительных органов занимает **Генеральная прокуратура Российской Федерации**, на которую возлагаются обязанности по вынесению предостережений и предупреждений о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. В Приказе Генеральной прокуратуры России от 21 марта 2018 г. № 156 «*Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности*» отмечено, что экстремистскую деятельность следует рассматривать как одну из основных и системных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации. В связи с этим важнейшей задачей надзорной деятельности является своевременное предупреждение экстремистских проявлений, выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремизму. Прокуратура должна обеспечить постоянный и эффективный надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму в деятельности органов исполнительной власти, в том числе за своевременностью, полнотой, законностью и обоснованностью принимаемых ими мер по выявлению и пресечению экстремистских проявлений[1].

Федеральная служба безопасности также является одним из основных субъектов противодействия экстремистской деятельности. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «*О федеральной службе безопасности*»[2] на нее возложены обязанности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию деятельности незаконных вооруженных формирований, преступных групп, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. Именно поэтому осуществление предварительного следствия по уголовным делам, предусмотренным статьями 205, 205.1, 205.2, 280 и 282 УК РФ, относится к компетенции следователей федеральной службы безопасности.

---

[1] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // Законность. 2018. № 6.

[2] Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 1269.

Особая роль в механизме противодействия экстремизму отводится **органам внутренних дел**, на которые возложены полномочия по профилактике преступности, в частности, по противодействию экстремизму.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ и Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, **противодействие экстремистской деятельности** осуществляется по следующим основным **направлениям**:

1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности[1];

3) взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления в рамках противодействия экстремистской и террористической деятельности[2].

Структурным подразделением центрального аппарата МВД России является **Главное управление по противодействию экстремизму**[3]. Сотрудники подразделений по противодействию экстремизму осуществляют следующие мероприятия:

1) проводят мониторинг оперативной обстановки в области противодействия экстремистской деятельности;

2) принимают меры по разобщению экстремистских организаций (сообществ) на ранних стадиях формирования путем поиска и своевременной реализации информации упреждающего характера;

3) осуществляют оперативно-разыскные мероприятия по предупреждению преступлений, отнесенных к компетенции подразделений по противодействию экстремизму;

4) принимают меры по недопущению проникновения представителей экстремистских организаций (сообществ) в органы государственной власти;

5) принимают участие в информировании населения о результатах работы;

6) разрабатывают и организуют проведение оперативно-профилактических мероприятий;

7) выявляют при проведении оперативно-разыскных мероприятий причины и условия, способствующие совершению преступлений, и принимают в пределах компетенции меры по их устранению. Эффективная реализация перечисленных направлений возможна с учетом изучения различных видов и форм экс-

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 25.12.2019) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 26 декабря. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 13.07.2020) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334.

тремистской деятельности физических и юридических лиц, влияющей на политическую активность граждан[1].

Многоаспектность противодействия экстремизму и невозможность всестороннего решения задач только силами правоохранительных органов обусловили создание единого межведомственного органа по координации деятельности в области противодействия экстремистским проявлениям, нормализации межконфессиональных и межнациональных отношений – **Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации**[2]. Председателем Межведомственной комиссии является **Министр внутренних дел Российской Федерации**, ответственным секретарем – начальник ГУПЭ МВД России. В состав Межведомственной комиссии входят руководители 21 федерального органа исполнительной власти: МВД России, ФСБ России, Минкультуры России, Минобороны России, Минкомсвязи России, Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минспорта России, Минюста России, МИД России, Минэкономразвития России, СК России, ФТС России, СВР России, ФАДН России, Росмолодежь, Росгвардии, Росфинмониторинга, Роскомнадзора, а также Генеральной прокуратуры и Совета Безопасности Российской Федерации.

Основные **задачи Межведомственной комиссии** – формирование государственной политики и совершенствование законодательства в области противодействия экстремизму, обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти на данном направлении, выработка мер, направленных на совершенствование деятельности. Ежегодно по итогам деятельности Комиссии Президенту Российской Федерации готовится соответствующий доклад.

В целях реализации поручения Президента Российской Федерации, а также определения вектора развития государственной политики на антиэкстремистском направлении в 2014 году Межведомственной комиссией была разработана *Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года*[3]. В соответствии с Перечнем документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, подлежащих разработке (корректировке) и утверждению в период 2019–2021 годов, от 28 декабря 2018 г. № Пр-2533 завершена работа по актуализации положений *Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года*, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https:// мвд.рф.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 (ред. от 17.02.2016) «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4705.

[3] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) // СПС «КонсультантПлюс».

2020 г. № 34[1]. В обновленном документе проанализированы состояние и источники угроз экстремизма в современной России, определены основные факторы, оказывающие негативное влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в обществе, а также разработаны целевые показатели и ожидаемые результаты ее реализации. Уточнены задачи государственной политики в сфере противодействия экстремизму, в которых определена роль институтов гражданского общества, образовательных организаций. Разграничены по сферам деятельности направления государственной политики по профилактике и противодействию экстремизму.

В совместном Распоряжении Генеральной прокуратуры России № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16 декабря 2008 г. «*О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма*»[2] признается факт недостаточной результативности работы МВД России по противодействию экстремизму. В связи с этим **сотрудникам органов внутренних дел** предписывается следующее:

1. Обеспечить должное взаимодействие и обмен информацией с другими органами, осуществляющими противодействие экстремизму. Разработать единый комплекс мер в целях координации совместных оперативных мероприятий по предупреждению групповых экстремистских проявлений, выявлению формирующихся и действующих радикальных сообществ, пресечению, в том числе в уголовном порядке, противоправных действий их лидеров и участников. При наличии оснований осуществлять оперативное сопровождение проверок территориальных органов Минюста России.

2. Активизировать работу по сбору и документированию сведений, необходимых для подготовки в суд заявлений о ликвидации и (или) запрете объединений, цели или действия которых имеют экстремистскую направленность. Материалы по фактам проявления деятельности запрещенных экстремистских организаций незамедлительно направлять в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

3. Принять дополнительные меры в целях улучшения деятельности по перекрытию каналов финансирования и материально-технического обеспечения экстремистов и пресечению попыток использования ими денежных средств, полученных противоправным путем.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 29.05.2020.

[2] Распоряжение Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД Российской Федерации, ФСБ Российской Федерации «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» от 16 декабря 2008 г. № 270/27р, 1/9789, 38 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Проводить анализ сведений, размещенных в сети Интернет. Принимать меры, направленные на документирование фактов распространения экстремистских идей на сайтах сети и установление лиц, виновных в их распространении, уделяя особое внимание случаям обнародования запрещенной экстремистской литературы. Собранные материалы направлять в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела с одновременным уведомлением прокуратуры субъекта Российской Федерации. Решать вопрос о привлечении к административной ответственности распространителей включенных в федеральный список экстремистских материалов.

5. Считать одним из важнейших направлений работу по нейтрализации и разобщению объединений, члены которых склонны к экстремизму. Для этого на постоянной основе анализировать деятельность радикально настроенных сообществ. Осуществлять контроль за процессами, происходящими внутри этих группировок. Отслеживать изменения в составе их участников и лидеров, прогнозировать возможные разногласия, влекущие раскол объединений. Особое внимание обращать на лиц, причастных ранее к деятельности экстремистских сообществ на территории иностранных государств, в том числе государств-участников СНГ. Обеспечить обмен информацией о местах концентрации и маршрутах передвижения членов экстремистских организаций. МВД России предписывается каждое полугодие обобщать работу по противодействию экстремизму, о чем сообщать в Генеральную прокуратуру в срок до 25 числа месяца, следующего за отчетным периодом.

В связи с этим необходимо отметить также, что **Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг)** в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона «*О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма*»[1] и Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804[2] составляет перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности. Росфинмониторинг доводит перечень организаций и физических лиц, связанных с террористическими организациями или террористами, а также изменения и дополнения, внесенные в этот перечень. Однако следует отметить, что этот список, размещенный на сайте Росфинмониторинга, носит закрытый характер. Причиной закрытости списка является то, что он гораздо более объемен, чем список Росреестра, т.к. включает в себя сведения о:

[1] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804 (ред. от 11.09.2018) «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 33. Ст. 4835.

а) вступивших в законную силу решениях судов Российской Федерации о ликвидации или запрете деятельности организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности, а также об отмене (изменении) этих решений;

б) вступивших в законную силу приговорах судов Российской Федерации о признании физического лица виновным в совершении преступления террористического характера, а также об отмене (изменении) этих приговоров;

в) принятых Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами решениях о приостановлении деятельности организации в связи с их обращениями в суд с заявлением о привлечении этой организации к ответственности за террористическую деятельность, а также об утрате этими решениями силы;

г) вынесенных следователями или прокурорами постановлениях о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, совершивших преступления террористического характера, а также о прекращении этих уголовных дел;

д) составленных международными организациями, осуществляющими борьбу.

Важным звеном в обеспечении национальной безопасности и противодействии религиозному экстремизму, наряду с органами государственной власти, выступает **Совет Безопасности Российской Федерации**. Он является совещательным органом, осуществляющим подготовку решений главы государства по вопросам обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проведения единой государственной политики по обеспечению национальной безопасности. Совет Безопасности обеспечивает условия для реализации Президентом Российской Федерации его конституционных полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина, охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Основы правового положения Совета Безопасности определены Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «*О безопасности*»[1]. Полномочия Совета, его Председателя, Заместителя Председателя и Секретаря определены Положением о Совете Безопасности Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 «*О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации*»[2]. В соответствии с подп. «б» п. 4 Положения о Совете Безопасности Российской Федерации одной из функций Совета является «проведение стратегической оценки на основе анализа информации о состоянии правопорядка и законности в стране, об эффективности принимаемых мер по противодействию терроризму и экстремизму».

---

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 (ред. от 28.12.2020) «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 08.03.2020.

Для оптимизации работы Совета Безопасности в его структуре созданы постоянно действующие межведомственные комиссии по наиболее актуальным направлениям обеспечения безопасности. Так, **функциями Межведомственной комиссий по общественной безопасности**, правовой статус которой определен Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, утвержденным Указом Президента России от 6 мая 2011 г. № 590[1], являются, в частности, организация работы «по выявлению внутренних и внешних угроз национальной безопасности, связанных с террористической и экстремистской деятельностью…, подготовкой соответствующих предложений и рекомендаций Совету Безопасности и федеральным органам исполнительной власти, а также органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (подп. «г» п. 3), а также «содействие в организации разработки новых форм и методов противодействия преступности, терроризму и экстремизму» (подп. «ж» п. 3).

Отдельное внимание хотелось бы уделить **статистическим данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации**, который в октябре 2020 г. на сайте разместил информацию о деятельности судов и состоянии судимости за первую половину 2020 года по преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности. В первые шесть месяцев 2020 года по интересующим нас уголовным статьям были осуждены 210 человек против 432 осужденных за весь 2019 год. В целом число осужденных будет несколько ниже, чем в 2019, однако столь же резкого падения числа осужденных по этим статьям, как в 2019 году по сравнению с 2018, не произойдет.

Из осужденных в первом полугодии 2020 года 132 человека (за 2019 год – 244) были осуждены по статьям, карающим за разного сорта публичные высказывания (ст. 282, 280, 2801, 2052, 3541, ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ), а 78 (за 2019 год – 188) – за создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические (ст. 2821, 2822, 2054, 2055). Если в 2019 году по сравнению с 2018 доля преследований за причастность к запрещенным организациям выросла, а доля преследований за высказывания снизилась в результате частичной декриминализации ст. 282 УК РФ, то в первом полугодии 2020 года по сравнению с 2019 годом доля преследований за причастность к запрещенным организациям несколько снизилась, а доля преследований за высказывания, напротив, слегка увеличилась. Здесь, чтобы избежать двойного учета обвинений по этим статьям, мы привели данные лишь по основной статье обвинения; ниже, для каждой статьи в отдельности будет приведено суммарное число осужденных по ней – то есть и тех, у кого она была основной в обвинении, и тех, кому по этой статье было предъявлено дополнительное обвинение.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 (ред. от 07.03.2020) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2721.

Наибольшее число уголовных приговоров за пропаганду в первой половине 2020 года было вынесено по ст. 280 УК РФ (призывы к экстремистской деятельности), причем число приговоров по этой статье продолжает расти: за первые шесть месяцев 2020 были осуждены 80 человек, в то время как за весь 2019 год – 145. Один человек был оправдан, против 12 дела были прекращены по иным основаниям, восемь человек были отправлены на принудительное лечение. Из 68 осужденных по этой статье как по основной пятеро были приговорены к реальному сроку лишения свободы (один был освобожден от отбывания этого наказания), 58 человек – к условному, один – к ограничению свободы, трое – к штрафу; 33 осужденных получили дополнительное наказание в виде запрета занимать определенные должности или заниматься какими-то видами деятельности.

Далее следует ст. 205.2 УК РФ о пропаганде терроризма – 73 осужденных в первой половине 2020 года против 126 человек за весь 2019 год, то есть и здесь цифры растут. Преследование двух человек было прекращено, двое были отправлены на принудительное лечение. Из 58 осужденных по этой статье как по основной 42 были приговорены к лишению свободы, а 16 – к штрафу, 28 осужденных получили дополнительное наказание в виде запрета занимать определенные должности или заниматься какими-то видами деятельности.

Количество осужденных по иным пропагандистским статьям значительно меньше: по ст. 280.1 о призывах к сепаратизму в первом полугодии 2020 был вынесен один приговор (за весь 2019 год – четыре); единственный осужденный по этой статье как по основной был приговорен к обязательным работам с запретом занимать определенные должности или выполнять какие-то виды деятельности. Три человека были осуждены по ст. 354.1 о реабилитации нацизма (двое осужденных по этой статье как по основной были оштрафованы), еще двое были освобождены от уголовной ответственности; в 2019 году по ст. 354.1 были осуждены двое.

Лишь один человек был в рассматриваемый период осужден по ч. 1 ст. 148 УК РФ об оскорблении чувств верующих; два человека были освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. По ч. 2 ст. 148 суды приговоров не выносили. Для сравнения, в 2019 году по ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ были осуждены три человека.

По ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти): были осуждены только три человека, двое из них – по декриминализованной первой части, т.е. за повторный инцидент в течение года, и только один – по более тяжкой второй части. Эти цифры интересно сравнить с данными за 2018 (518 человек) и 2019 годы (36 человек): мы видим, что после декриминализации статьи количество осужденных по ней снизилось с сотен до единиц. За отсутствием состава преступления было прекращено уголовное дело в отношении одного человека, преследование еще одного было прекращено по иным основаниям. Из трех человек, осужденных по ст. 282 как по основной, двое получили условные сроки, а один был оштрафован.

По ст. 20.3.1 КоАП о возбуждении ненависти, которая соответствует составу ч. 1 ст. 282 УК и применяется в случае первого нарушения за год, за первую половину 2020 года было наказано 347 человек, один из них должностное лицо. Штраф был назначен 298 раз, административный арест – 11, обязательные работы – 38 раз. В пяти случаях производство по делу было прекращено. 55 протоколов суды не приняли к рассмотрению, вернув их правоохранительным органам для устранения недостатков. За весь 2019 год по этой статье были наказаны 383 человека. Таким образом, если сложить количество уголовных приговоров и административных санкций по статьям о возбуждении ненависти за первое полугодие 2020 года, можно сделать вывод о том, что снижение уровня преследований за подобные деяния, которое наметилось в 2018 году, прекратилось.

Среди статей, карающих за причастность к радикальным группам, по количеству осужденных по-прежнему лидирует ст. 2055 (организация деятельности организации, признанной террористической, или участие в таковой). По ней было осуждено 53 человека (за весь 2019 год – 131 человек), т.е. число осужденных за год может оказаться несколько меньше, чем годом ранее. В отношении лишь одного человека преследование по этой статье было прекращено. При этом из 43 осужденных по этой статье как по основной пятеро были наказаны за покушение на совершение соответствующего преступления. 42 человека были приговорены к реальному лишению свободы, один был освобожден от отбывания этого наказания, одному было назначено дополнительное наказание в виде штрафа, семи – в виде ограничения свободы.

По ст. 282.2 об организации деятельности экстремистской организации и участии в ней был осужден 31 человек (за весь предыдущий год – 72). Из 28 человек, которым основное обвинение было предъявлено именно по этой статье, 15 были приговорены к лишению свободы, пятеро освобождены от отбывания наказания из-за зачета сроков пребывания под стражей до суда; трое получили условные сроки, пятеро были оштрафованы; 10 человекам было назначено дополнительное наказание в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а еще 17 – в виде ограничения свободы.

За создание экстремистских сообществ в первой половине 2020 года по ст. 282.1 были осуждены четыре человека (за 2019 год – 17). То есть можно говорить о том, что наметившийся в 2019 году резкий рост преследований по этой статье не получил дальнейшего развития (все четверо были осуждены по этой статье как по основной, приговорены к лишению свободы и освобождены от отбывания наказания в связи с зачетом срока досудебного содержания под стражей). Аналогичная тенденция касается и ст. 205.4 о создании сообществ террористических: по ней были осуждены девять человек, в то время как за весь 2019 год – 29; в отношении одного человека уголовное производство было прекращено. Известно, что трое осужденных по этой статье как по основной получили реальные сроки лишения свободы.

Отметим также, что в первой половине 2020 года не было вынесено ни одного приговора за финансирование экстремистской деятельности, в то время как в 2019 года таковых было вынесено пять в отношении пяти человек (по дополнительному обвинению).

В начале 2020 года в ст. 20.3 КоАП РФ были внесены поправки, призванные ограничить сферу ее применения, однако насколько они повлияли на статистику, неясно. В первой половине 2020 года в 1019 случаях речь шла о штрафе, в 33 – об административном аресте, было вынесено одно предупреждение; в качестве дополнительного наказания в 69 случаях назначалась конфискация предмета административного правонарушения. Решения о прекращении производства по делу суды выносили 49 раз. Кроме того, 182 протокола суд вообще не стал рассматривать, вернув их полиции для устранения недостатков.

Число санкций по ст. 20.29 КоАП за распространение экстремистских материалов остается приблизительно на прежнем уровне: в первой половине 2020 года они назначались 856 раз (одно – в отношении юридических лиц, шесть – в отношении должностных, 849 – в отношении иных физических лиц), годом ранее таковых было зарегистрировано 1591. В первом полугодии 2020 года в 844 случаях суды назначали штраф, в 12 – административный арест, еще в одном было вынесено предупреждение; в дополнение к этим санкциям конфискация предмета правонарушения назначалась 25 раз. В 30 случаях суды принимали решение о прекращении производства по делу. 109 протоколов суд вернул полиции для устранения недостатков.

Статистические данные о применении ст. 5.26 КоАП РФ *(нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях)* в первой половине 2020 года выглядят следующим образом: в течение первых шести месяцев 2020 года было рассмотрено 201 дело по этой статье, это больше, чем за аналогичный период 2019 года (174). Наказанию подверглись 132 лица, из них 90 физических, 39 юридических и три должностных (в первом полугодии 2019 – 102 лица).

Чаще всего в качестве наказания по этой статье назначался штраф (в 101 случае), в 5 случаях были вынесены предупреждения, 26 раз привлеченным к ответственности по этой статье назначались обязательные работы. В качестве дополнительного наказания в 5 случаях назначалась конфискация, в двух – выдворение из страны. Общая сумма штрафов по вступившим в силу постановлениям составила 1 581 000 рублей (это немногим больше, чем за тот же период в 2019 году – 1 452 000 рублей)[1].

Правоприменительная практика противодействия религиозному экстремизму

В апреле 2021 г. были вынесены ряд решений судов касательно деятельности последователей Свидетелей Иеговы, которых обвиняют в причастности к

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 года / Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. 2020. Октябрь.

деятельности местных религиозных организаций, запрещенных за осуществление экстремистской деятельности.

В Еврейской автономной области суд приговорил последовательницу учения Свидетелей Иеговы Т. Загулину к двум с половиной годам лишения свободы условно по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (участие в деятельности экстремистской организации).

В Смоленской области М. Трошина и Н. Сорокина по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации) получили по шесть лет лишения свободы условно. В самом Смоленске В. Шалев и Р. Королев были приговорены к шести с половиной, а Е. Дешко – к шести годам условно.

В Краснодарском крае Абинский районный суд приговорил к трем годам лишения свободы по тому же обвинению А. Щербину. Ранее этот суд назначил реальные сроки Свидетелям Иеговы А. Ившину и О. Данилову.

В Ижевске по новому уголовному делу по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ были арестованы М. Дерендяев и А. Кутин, С. Ашихмину был назначен запрет определенных действий.

Также в начале апреля 2021 г. в Омской области были задержаны 11 предполагаемых последователей движения «Таблиги Джамаат», которое признано в России экстремистским, трое из них стали фигурантами дела по ч.ч. 1, 2 ст. 282.2 УК РФ, остальных правоохранительные органы запланировали выдворить из страны за нарушение миграционного режима.

В середине апреля 2021 г. Набережночелнинский городской суд удовлетворил иск прокуратуры о признании экстремистскими множества книг исламского богослова Саида Нурси на османском языке, четырех его книг на татарском и двух – на русском, книги Мэри Велд (Шукран Вахиде) «Ислам в современной Турции» на русском, а также книг на турецком «Аяты и хадисы в «Рисале-и Нур» Кенана Демирташа и «Избранные хадисы из Кутуб ас-Ситта» Джемаля Ушшака.

В конце апреля 2021 г. суд в Москве признал экстремистским материалов книгу епископа Православной Церкви Божией Матери «Державная» Иоанна (в миру – Вениамина Яковлевича Береславского) «Роза серафитов. Богомильское евангелие». Эксперты нашли в книге утверждения о превосходстве или неполноценности людей в зависимости от их религиозной принадлежности, призывы к введению ограничений или предпочтений семейных отношений, оправдание правомерности ненавистнического, враждебного, нетерпимого, неприязненного отношения к группе лиц, выделенных по религиозному признаку[1].

В период глобализации, реальной и искусственной (в интересах транснациональных олигархических групп, медийных и финансовых монополий), этнические и социальные группы, которые раньше не взаимодействовали между собой, тесно общаются и взаимодействуют, обмениваются определенными культурными привычками и стереотипами, подстраиваясь под «актуальную» ситуацию. В этом социокультурном пространстве очень вольготно себя и чув-

[1] Неправомерный антиэкстремизм в апреле 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2021/05/d44159/ (дата обращения: 05.05.2021).

ствует экстремизм, носителями которого выступают самые разные социальные группы и сообщества, часто субкультурного толка (а субкультуры весьма привлекательны для молодежи). При этом религиозный дискурс и символическая оболочка используется деструктивными сообществами для гибридной маскировки политического и этнического экстремизма, а сам религиозный экстремизм в свою очередь мимикрирует под «общечеловеческую религиозность» и «религиозный гуманизм», выступая часто в роли улучшителя традиционных конфессий и религий. Вот эти факторы и обусловливают особую значимость исследования именно как феноменов религиозного экстремизма, так и проблем его гражданско-правовой профилактики.

Нужно также отметить всплеск социальной, религиозной и этнической ксенофобии, на основе стереотипов которой зачастую и осуществляется создание экстремистских организаций, формируются радикальные религиозно-политические сообщества, осуществляются провокационные протестные беспорядки, насильственные действия и создается возможность реализации актов терроризма. Ведь в результате идеологической обработки у молодого поколения искажаются такие духовно-нравственные категории, как «добро», «патриотизм», «справедливость», «милосердие», что напрямую нас выводит также на необходимость профилактики именно религиозного экстремизма во всех его субкультурных проявлениях, в которых молодежь порой ищет «вечные ценности», которые носят квазидуховную и псевдорелигиозную природу. Религиозная «безграмотность» молодежи приводит к маскировке противоправных действий субкультурных экстремистских сообществ. Исходя из этого, и необходимо говорить о профилактических гражданско-правовых действиях в сфере воспитания молодежи и работы с ней. Исходя из вышесказанного, назрела необходимость долгосрочной работы в обществе по вопросам профилактики религиозного экстремизма. Но это невозможно без предварительного изучения феноменов религиозного экстремизма междисциплинарными аналитическими группами.

По нашему мнению, основными элементами профилактики религиозного экстремизма являются:

- содействие формированию толерантности в системе высшего образования;
- создание научно-методической, организационной и правовой базы с целью внедрения норм толерантного поведения в социальную практику, снижение социальной напряженности, профилактики экстремистских проявлений;
- создание эффективной системы мониторинга и прогнозирования социальной напряженности в Российской Федерации;
- разработка практических рекомендаций для региональных и муниципальных органов управления по созданию условий формирования толерантного сознания и поведения, нетерпимости к проявлениям религиозного экстремизма;
- внедрение в социальную практику технологий формирования толерантного сознания и поведения.

Приоритетом в борьбе с религиозным экстремизмом на территории нашей страны должно стать устранение причин и условий, способствующих распространению данного феномена.

3.2. Организационные основы противодействия религиозному экстремизму на региональном и муниципальном уровнях

Федеративный характер Российского государства обусловливает невозможность эффективного противодействия экстремизму без вовлечения соответствующих органов других уровней публичной власти, главным образом органов государственной власти субъектов Российской Федерации. **Меры по профилактике и предупреждению экстремизма** представляется целесообразным разделить на следующие группы: меры, осуществляемые исключительно федеральными органами государственной власти; меры, осуществляемые федеральными органами государственной власти совместно с региональными органами; меры, осуществляемые органами государственной власти субъектов на своей территории самостоятельно[1].

К последней группе можно отнести следующие меры:

а) разработку и принятие целевых программ по противодействию экстремизму, объектом которых является устранение его причин;

б) выработку рекомендаций для федеральных органов государственной власти и их территориальных органов по активизации определенных направлений деятельности по профилактике и предупреждению терроризма и экстремизма;

в) создание консультативно-совещательных органов при органах государственной власти субъектов Российской Федерации, одной из задач которых является разработка мер и рекомендаций органам региональной государственной власти в сфере профилактики и предупреждения экстремизма;

г) проведение научных исследований причин и факторов, обусловливающих появление экстремизма в субъектах Российской Федерации;

е) разработку и принятие в рамках своих полномочий нормативных правовых актов по вопросам противодействия экстремизму[2].

В системе органов государственной власти субъекта Российской Федерации центральное место занимает **высшее должностное лицо региона**, полномочия которого в сфере противодействия экстремизму Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «*Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации*»[3] не определяет. При этом согласно п. 2

---

[1] Троицкая Е.В. Разграничение полномочий в сфере противодействия экстремизму и терроризму между органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Общество и право. 2013. № 1(43). С. 65.

[2] Пирбудагова Д.Ш., Мусалова З.М. Проблемы взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере противодействию экстремизму // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 3. Т. 19. С. 68.

[3] Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

ст. 21 Закона высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации (правительство, администрация) осуществляет в пределах своих полномочий меры:

- по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью (пп. «а»);

- по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, их языков и культуры; защите прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств; социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия (п.п. «а.1»).

С учетом того, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в соответствии с указанным законом должно быть руководителем высшего исполнительного органа государственной власти региона, ему надлежит осуществлять руководство деятельностью региональным правительством и в рассматриваемой сфере.

При высших должностных лицах российских регионов создаются консультативно-совещательные органы. Например, **основными задачами Совета по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Коми**, действующего при главе Республики, являются:

1) развитие диалога органов государственной власти и местного самоуправления с институтами полиэтнического гражданского общества с целью гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Коми; рассмотрение концептуальных основ и задач реализации государственной национальной политики Российской Федерации, определение способов, форм и этапов ее реализации;

2) подготовка аналитических материалов, экспертных заключений о ситуации в сфере этноконфессиональных отношений в Республике Коми;

3) внесение в установленном порядке Главе Республики Коми предложений по совершенствованию национальной политики, обсуждение предложений Главы Республики в сфере национальной политики, по вопросам профилактики этнического и религиозного экстремизма;

4) участие в установленном порядке в разработке проектов нормативных правовых актов, в том числе направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов на территории Республики Коми, урегулирование вопросов религиозного значения;

5) разработка и внесение в установленном порядке предложений по организации мероприятий на уровне Главы Республики, Правительства Республики по вопросам государственно-конфессиональных и межнациональных отношений;

6) изучение и обобщение опыта организации и деятельности институтов полиэтнического и поликонфессионального гражданского общества в Республике, разработка предложений по их развитию и координации, а также обеспечению социальной, экономической и правовой защиты их деятельности[1].

По аналогии с Межведомственной комиссией по противодействию экстремизму в Российской Федерации[2], функционирование которой предполагает тесное взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти, в ряде субъектов Российской Федерации созданы **комиссии по противодействию экстремизму,** действующие, как правило, при высших должностных лицах российских регионов (Республика Тыва, Приморский край, Кемеровская и Челябинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ). Статус антиэкстремистских комиссий определяется в положениях, утверждаемых главами субъектов Российской Федерации или региональными правительствами.

Наиболее **типичные задачи антиэкстремистских комиссий**:

- координация деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений в рассматриваемой сфере;

- подготовка и внесение предложений главе региона или региональному правительству по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизму;

- анализ, мониторинг и оценка состояния противодействия экстремизмув конкретном регионе;

- организация целенаправленной работы в сфере противодействия экстремизму;

- разработка проектов документов стратегического планирования в рассматриваемой сфере. Так, 16 марта 2021 г. на заседании комиссии ХМАО – Югры был утвержден Межведомственный план мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, предусматривающий реализацию 62 мероприятий с целью укрепления межнациональных и межконфессиональных отношений и на обеспечение общественной безопасности[3];

---

[1] Указ Главы Республики Коми от 15 июля 2016 г. № 94 (ред. от 23.12.2020) «О Совете по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Коми» (вместе с «Положением о Совете по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Коми») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.07.2016.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 (ред. от 17.02.2016) «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4705.

[3] Доклад на заседании Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности 16 марта 2021 года по вопросу: «О ходе реализации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» / Официальный сайт Департамента внутренней службы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. – URL: https://deppolitiki.admhmao.ru/, 18.04.2021.

- разработка и организация проведения профилактических мероприятий. Например, 9 апреля 2021 г. в Курганской области на заседании антиэкстремистской комиссии и экспертного Совета по противодействию идеологии терроризма было принято решение о проведении совместных мероприятий православных христиан и мусульман[1].

Среди **специфических задач антиэкстремистских комиссий** на региональном уровне следует выделить:

- изучение опыта работы по профилактике экстремизма других субъектов Российской Федерации (Свердловская область[2]);

- анализ эффективности деятельности субъектов противодействия экстремизму (Ханты-Мансийский автономный округ[3]);

- предупреждение деятельности националистических группировок, распространения идеологии расовой и национальной розни (Республика Алтай[4]).

К типичным **полномочиям антиэкстремистских комиссий** относится:

- принимать в пределах своей компетенции решения рекомендательного характера, касающиеся взаимодействия территориальных органов федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в области противодействия экстремизму;

- создавать рабочие группы в целях изучения вопросов, касающихся противодействия экстремизму, в том числе для выезда в муниципальные образования субъекта Российской Федерации, подготовки проектов соответствующих решений комиссии;

- запрашивать и получать в рамках взаимодействия необходимые материалы и информацию от территориальных органов федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций и должностных лиц;

- привлекать по согласованию для участия в работе комиссии должностных лиц и специалистов территориальных органов федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также представителей общественных объединений и организаций;

---

[1] В Курганской области обсудили предложения по противодействию идеологии экстремизма и терроризма / Официальный сайт Правительства Курганской области [Электронный ресурс]. – URL: https://kurganobl.ru/, 18.04.2021.

[2] Указ Губернатора Свердловской области от 14 ноября 2008 г. № 1184-УГ (ред. от 08.09.2020) «О Межведомственной комиссии по профилактике экстремизма в Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. 2009. № 11-1 (2008). Ст. 1736.

[3] Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа от 14 мая 2007 г. № 79 (ред. 16.09.2020) «О Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2007. № 5. Ст. 712.

[4] Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 28 апреля 2012 г. № 105-у (ред. 27.01.2021) «О создании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2012. № 87 (93).

- заслушивать на своих заседаниях должностных лиц федеральных и региональных органов исполнительной власти по вопросам противодействия экстремизму.

В ряде российских регионов учреждены **Советы безопасности** в качестве консультативно-совещательных органов. Членами совета безопасности, которых назначает глава региона, являются, как правило, руководители региональных органов исполнительной власти, а также по согласованию – председатель законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, руководители территориальных структур федеральных органов исполнительной власти правоохранительной направленности (МВД, ФСБ, МЧС, Росгвардии, реже – Следственного комитета, Федеральной таможенной службы)[1]. Особенностью **Совета Безопасности Белгородской области**[2] является включение в его состав митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, что можно объяснить необходимостью обеспечения религиозной безопасности.

Общей **задачей советов безопасности** является разработка предложений по координации деятельности органов исполнительной власти региона и территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти в процессе реализации решений по обеспечению безопасности. К задачам Совета безопасности Республики Адыгея относится, в частности, формирование предложений «о мерах, направленных на предупреждение и пресечение политического экстремизма, попыток насильственного изменения конституционного строя и нарушения целостности Республики и Российской Федерации, подрыв их безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни»[3].

Закон «*О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан*» определяет основные задачи профилактики экстремистской деятельности, ее направления и формы, полномочия республиканских органов государственной власти. В частности, согласно ст. 6 Закона **Глава Республики Дагестан:**

«1) координирует деятельность органов исполнительной власти Республики в сфере профилактики экстремистской деятельности;

2) организует деятельность консультативных и совещательных органов при Главе Республики в целях профилактики экстремистской деятельности»[4].

Губернатор Саратовской области организует реализацию государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности на территории области; утверждает планы мероприятий по реализации Стратегии

---

[1] Богмацера Э.В., Ерыгин А.А. Правовые основы организации и деятельности советов безопасности субъектов Российской Федерации: учебное пособие. – Белгород, 2017. С. 46.

[2] Постановление Губернатора Белгородской области от 4 сентября 2018 г. № 87 «О Совете безопасности Белгородской области» (вместе с «Положением о Совете безопасности Белгородской области») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 06.09.2018.

[3] Указ Президента Республики Адыгея от 7 апреля 2005 г. № 36 (ред. от 13.07.2017) «О Совете безопасности при Главе Республики Адыгея» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2005. № 4.

[4] Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 (ред. от 29.12.2018) «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. 2016. № 75–76.

противодействия экстремизму в Российской Федерации; координирует деятельность областных органов государственной власти по профилактике экстремизма[1].

Во многих субъектах Российской Федерации создаются специализированные консультативно-совещательные органы по противодействию экстремизму, в том числе религиозному. Одним из них является **общественный совет при Главе Республики Карелия по профилактике экстремистской деятельности**, «осуществляющий подготовку предложений по реализации государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности, в том числе ее профилактики»[2]. В состав Совета входят ученые, руководители общественных и религиозных объединений различных конфессий, представители прокуратуры, органов законодательной и исполнительной власти. Основными **функциями Совета** являются: подготовка рекомендаций по совершенствованию механизмов межведомственного взаимодействия по реализации государственной политики в области гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, противодействия экстремистской деятельности, в том числе ее профилактики; проведение общественных экспертиз качества подготовленных контрпропагандистских материалов, проектов стратегий, концепций, комплексных программ по профилактике экстремистской и террористической деятельности, разработка системы мер, направленной на формирование толерантности населения к прибывающим в Республику переселенцам.

Межведомственный комплексный план мероприятий по противодействию идеологии терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2019–2023 годы предписывает областному Департаменту внутренней политики, главам администраций муниципальных районов и городских округов, в частности, «организовать работу по изучению лицами, получившими религиозное образование за рубежом и имеющими намерения заниматься религиозной деятельностью на территории региона, норм, устанавливающих ответственность за участие и содействие террористической деятельности; традиционных российских духовно-нравственных ценностей и современной религиозной ситуации на территории Белгородской области»[3].

Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Белгородской области (далее – Мониторинг) представляет собой систему наблюдения, анализа состояния и прогноза

---

[1] Особенности противодействия экстремистской деятельности в этноконфессиональных отношениях: учебное пособие / Н. М. Перетятько [и др.]. – Саратов, 2017. С. 39.

[2] Указ Главы Республики Карелия от 3 мая 2007 г. № 68 (ред. от 13.11.2012) «О создании Общественного совета при Главе Республики Карелия по профилактике экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Республики Карелия. 2007. № 5. Ст. 612.

[3] Распоряжение Губернатора Белгородской области от 28 июня 2019 г. № 522-р «Об утверждении межведомственного комплексного плана мероприятий по противодействию идеологии терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2019 – 2023 годы» / Сайт «Вестник нормативных правовых актов Белгородской области» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zakon.belregion.ru, 01.07.2019.

развития межнациональных и межконфессиональных отношений в Белгородской области, включая оценку возможности возникновения конфликтов на этнической или религиозной почве в ближайшей перспективе.

Координацию деятельности участников Мониторинга осуществляет **Совет при Губернаторе области по межнациональным отношениям** при участии органов исполнительной власти Белгородской области, а также территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, общественных и иных организаций и объединений[1]. Организацию ведения Мониторинга на территории Белгородской области и его информационно-аналитическое обеспечение осуществляет управление информации и социальных коммуникаций департамента внутренней политики области, исполняющее функции аппарата Совета при Губернаторе области по межнациональным отношениям.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере противодействия религиозному экстремизму определены в статьях 14, 15, 16, 16.1, 16.2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «*Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации*»[2] и предусматривают участие муниципальных образований в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма.

Ввиду отсутствия у органов местного самоуправления на данный период должной материально-технической базы, специально обученного кадрового состава, позволяющих на высоком уровне противодействовать экстремизму, действия этих органов определяются пределами их полномочий, которые в этой сфере ограничиваются предупреждением, профилактикой, а также минимизацией последствий экстремистской деятельности[3].

Согласно ч. 1 ст. 10.3 Закона Челябинской области «*О разграничении полномочий органов местного самоуправления Челябинского городского округа и органов местного самоуправления внутригородских районов в его составе по решению вопросов местного значения внутригородских районов*»: к полномочиям органов местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма относятся:

1) «осуществление деятельности по предупреждению терроризма;

---

[1] Постановление Правительства Белгородской области от 2 июня 2014 г. № 205-пп (ред. от 28.12.2020) «О системе мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2014. № 48 (т. I).

[2] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

[3] Пирбудагова Д.Ш., Мусалова З.М. Проблемы взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере противодействию экстремизму // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 3. Т. 19. С. 69.

2) осуществление профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;

3) участие в деятельности по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма;

4) участие в проводимых органами исполнительной власти Челябинской области антитеррористических учениях;

5) своевременное информирование населения о возникновении угрозы террористического акта и организация деятельности по противодействию его совершения;

6) осуществление межведомственного взаимодействия в сфере противодействия терроризму и экстремизму»[1].

Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 «*О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан*» в статье 9 устанавливает общие **полномочия органов местного самоуправления в сфере профилактики экстремистской деятельности**, которые:

1) «во взаимодействии с заинтересованными органами государственной власти Республики анализируют миграционную ситуацию на территории муниципальных образований;

2) организуют информирование и консультирование населения муниципальных образований по вопросам профилактики экстремистской деятельности;

3) утверждают программы по профилактике экстремистской деятельности на территории муниципальных образований;

4) принимают меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих распространению экстремистской идеологии, осуществляют мероприятия по недопущению агитации и пропаганды экстремистской идеологии, организуют информационное сопровождение проводимых мероприятий в средствах массовой информации, а также принимают нормативные правовые акты, обеспечивающие реализацию мер в сфере профилактики экстремистской деятельности»[2].

Нередко в муниципальных правовых актах прописываются конкретные полномочия глав муниципальных образований в рассматриваемой сфере. В частности, Глава города Кургана формирует **Совет по вопросам межнациональных, межконфессиональных отношений и профилактики экстремизма**, который «обеспечивает взаимодействие территориальных подразделений федеральных органов государственной власти, органов государственной власти Курганской области, органов местного самоуправления, национальных общественных объединений, религиозных, научных и других организаций по вопросам

[1] Закон Челябинской области от 18 декабря 2014 г. № 97-ЗО (ред. от 04.07.2019) «О разграничении полномочий органов местного самоуправления Челябинского городского округа и органов местного самоуправления внутригородских районов в его составе по решению вопросов местного значения внутригородских районов» // Южноуральская панорама. 2014. № 210.

[2] Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 (ред. от 29.12.2018 № 98) «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. 2016. № 75-76.

гармонизации межнациональных (межэтнических), межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма»[1].

Задачами **общественно-консультативного совета по взаимодействию с национальными и религиозными общественными организациями в Вейделевском районе Белгородской области** являются:

- «организация взаимодействия органов местного самоуправления района с представителями национальных и религиозных общественных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории района;

- организация и проведение мониторинга в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений на территории Вейделевского района;

- обеспечение на территории Вейделевского района стабильной обстановки в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, укрепления доверия и дружбы между представителями различных этносов, а также профилактика экстремизма в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений;

- обеспечение учета предложений представителей национальных и религиозных организаций, касающихся решения социально-экономических и других вопросов деятельности национальных и религиозных организаций»[2].

Реализация органами местного самоуправления функции обеспечения безопасности влечет необходимость наделения их эффективным инструментом для ее реализации, поэтому в администрациях муниципальных образований создаются отраслевые (функциональные) **органы исполнительной власти, ведающие вопросами безопасности**: Департамент общественной безопасности администрации г. Омска, Департамент городского хозяйства и безопасности жизнедеятельности администрации г. Тобольска, Управление безопасности администрации г. Белгорода, Управление по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения г. Челябинска, Управление по общественной безопасности, чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне администрации г. Кисловодска, Управление общественной безопасности и противодействия коррупции администрации г. Махачкалы[3]. Полномочия Департамента территориальной безопасности мэрии г. Ярославля, например, распространяются на сферу «обеспечения безопасности, противодействие коррупции, охрану общественного порядка, профилактику правонарушений, терроризма и экстремизма»[4].

---

[1] Постановление Главы города Кургана от 30 декабря 2014 г. № 287 (ред. от 20.11.2018 № 211) «О Совете при Главе города Кургана по вопросам межнациональных, межконфессиональных отношений и профилактики экстремизма» // Курган и курганцы. 2015. № 3.

[2] Постановление администрации Вейделевского района Белгородской области от 4 декабря 2018 г. № 258 «О создании общественно-консультативного совета по взаимодействию с национальными и религиозными общественными организациями в Вейделевском районе» (вместе с «Положением об общественно-консультативном Совете по взаимодействию с национальными и религиозными общественными организациями в Вейделевском районе») // Информационный бюллетень Вейделевского района. 2018. № 170.

[3] Ерыгин А.А. Правовой статус советов безопасности муниципальных образований: учебное пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. С. 27.

[4] Постановление мэрии города Ярославля от 26 февраля 2018 г. № 276 (ред. от 29.04.2019) «Об утверждении Положения о департаменте территориальной безопасности мэрии города Ярославля [Электронный ресурс]. – URL: https://city-yaroslavl.ru/gov/.

Следует учитывать, что у органов местного самоуправления «практически нет собственных инструментов обеспечения безопасности»[1], поэтому они взаимодействуют с правоохранительными и иными государственными органами в рамках создаваемых совещательных, координационных органов (административная, антитеррористическая, антинаркотическая комиссии, комиссии по профилактике правонарушений, по делам несовершеннолетних).

Реже в муниципальных образованиях создаются **советы безопасности** в качестве консультативно-совещательных органов при главах муниципальных образований или главах местных администраций. Такая модель управления муниципальной безопасностью получила распространение, прежде всего, в тех субъектах Российской Федерации, где действуют региональные советы безопасности, в частности, в Белгородской[2] и Свердловской областях[3]). Так, Совет общественной безопасности г. Барнаула является постоянно действующим координационным органом администрации города, созданным «в целях организации и обеспечения взаимодействия и координации деятельности органов администрации города, администраций районов города и иных органов местного самоуправления, правоохранительных органов, общественных и иных организаций, независимо от их форм собственности, в сфере обеспечения общественной безопасности, в том числе при разработке муниципальных программ, их реализации, проведения единой муниципальной политики в области обеспечения общественной безопасности в городе»[4].

Таким образом, организационные основы противодействия религиозному экстремизму на региональном и муниципальном уровнях включают органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также консультативно-совещательные органы (советы, комиссии), наделенные соответствующими полномочиями.

---

[1] Шугрина Е.С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности (к 70-детию со дня рождения профессора В.И. Фадеева) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 194.

[2] Постановление Губернатора Белгородской области от 4 сентября 2018 г. № 87 «О Совете безопасности Белгородской области» (вместе с «Положением о Совете безопасности Белгородской области») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 06.09.2018.

[3] Указ Губернатора Свердловской области от 26 апреля 2019 г. № 216-УГ «Об утверждении Положения о Совете общественной безопасности Свердловской области» / Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov66.ru.

[4] Постановление Администрации города Барнаула от 10 декабря 2019 г. № 2059 «Об утверждении Положения о Совете общественной безопасности города Барнаула» // Вечерний Барнаул. 2019. № 190.

Вопросы для самоконтроля:

1. Назовите основные направления противодействия экстремистской деятельности, установленные Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Перечислите задачи Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.
3. Назовите задачи Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.
4. Представители каких органов публичной власти входят в состав Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации?
5. Охарактеризуйте задачи научно-консультативного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации.
6. Определите роль правоохранительных органов в противодействии религиозному экстремизму.
7. Охарактеризуйте роль органов внутренних дел в противодействии экстремистской деятельности.
8. Перечислите основные направления профилактики религиозного экстремизма.
9. Перечислите основные направления профилактики экстремистской деятельности, закрепленные в законах субъектов Российской Федерации.
10. Назовите создаваемые при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации консультативно-совещательные органы по профилактике религиозного экстремизма.
11. Перечислите задачи межведомственных комиссий по профилактике экстремизма, создаваемых в субъектах Российской Федерации.
12. Охарактеризуйте роль органов местного самоуправления в сфере профилактики религиозного экстремизма.
13. Назовите учреждаемые на муниципальном уровне консультативно-совещательные органы по профилактике религиозного экстремизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозный экстремизм является особо опасным антиобщественным явлением, угрожающим национальным интересам государства, общества, граждан, в связи с чем противодействие религиозному экстремизму должно стать одной из главных задач российского государства по обеспечению безопасности общества и государства.

Очевидна необходимость осуществления новых комплексных мер по противодействию религиозному экстремизму. Необходимы совершенствование механизма межведомственного взаимодействия, обмен оперативной информацией об угрозах экстремистского характера, а также деятельность по выявлению причин и условий организации данных угроз.

Важными элементами профилактики религиозного экстремизма являются: а) создание научно-методической, организационной и правовой базы с целью внедрения норм толерантного поведения в социальную практику, снижение социальной напряженности, профилактики экстремистских проявлений; б) создание эффективной системы мониторинга и прогнозирования социальной напряженности в Российской Федерации; в) разработка практических рекомендаций для региональных и муниципальных органов управления по созданию условий формирования толерантного сознания и поведения, нетерпимости к проявлениям религиозного экстремизма; г) внедрение в социальную практику технологий формирования толерантного сознания и поведения; д) внедрения в систему образования области всех уровней учебных программ по формированию толерантного сознания и поведения.

К основным направлениям борьбы с религиозным экстремизмом следует отнести: а) выявление экстремистской деятельности; б) предупреждение экстремистской деятельности; в) определение ответственности общественных объединений, религиозных, некоммерческих организаций за осуществление экстремистской деятельности; д) определение ответственности средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности.

Приоритетом в борьбе с религиозным экстремизмом, в том числе в молодежной среде, на федеральном и региональном уровнях должно стать исследование и экспертная оценка феномена религиозного экстремизма с целью устранения или нейтрализации причин и условий, способствующих их распространению, принятие новых правовых актов и программ, регламентирующих противодействие и гражданско-правовую профилактику экстремизма на региональном уровне с учетом федерального законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.
3. Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 3 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
9. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
10. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
11. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.
12. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
13. Федеральный закон от 28декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
14. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представи-

тельных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

15. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

16. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I).Ст. 3418.

17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

18. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

19. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

21. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886.

22. Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru.

23. Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 (ред. от 07.03.2020) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2721.

24. Указ Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 (ред. от 28.12.2020) «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

25. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 (ред. от 17.02.2016) «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» (вместе с «Положением о Межведомствен-

ной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4705.

26. Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 13.07.2020) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334.

27. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

28. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313 (ред. от 06.08.2020) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4108.

29. Распоряжение Президента Российской Федерации от 2 августа 1995 г. № 357-рп (ред. от 28.06.2010) «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3294.

30. Распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 220 рп-СФ (ред. от 16.11.2016, с изм. от 02.03.2020) «О Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3400.

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804 (ред. от 11.09.2018) «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 33. Ст. 4835.

32. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2015 г. № 368 (ред. от 19.06.2020) «О Федеральном агентстве по делам национальностей» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам национальностей») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2564.

33. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2006 г. № 438 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3400.

34. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22 июля 2009 г. № 224 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете

при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма» // Российская газета. 2009. № 141.

35. Приказ Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // Законность. 2018. № 6.

36. Распоряжение Генеральной прокуратуры России, МВД России, ФСБ России «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» от 16 декабря 2008 г. № 270/27р, 1/9789, 38 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 (ред. от 29.12.2018) «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. 2016. № 75-76.

38. Закон Республики Ингушетия от 29 декабря 2018 г. № 51-РЗ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Ингушетия» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

39. Закон Республики Тыва от 13 декабря 2016 г. № 236-ЗРТ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Тыва» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru.

40. Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 28 апреля 2012 г. № 105-у (ред. 27.01.2021) «О создании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2012. № 87(93).

41. Указ Главы Республики Карелия от 3 мая 2007 г. № 68 (ред. от 13.11.2015) «О создании Общественного совета при Главе Республики Карелия по профилактике экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Республики Карелия. 2007. № 5. Ст. 612.

42. Указ Президента Республики Адыгея от 7 апреля 2005 г. № 36 (ред. от 13.07.2017) «О Совете безопасности при Главе Республики Адыгея» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2005. № 4.

43. Указ Губернатора Свердловской области от 14 ноября 2008 г. № 1184-УГ (ред. от 08.09.2020) «О Межведомственной комиссии по профилактике экстремизма в Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. 2009. № 11-1 (2008). Ст. 1736.

44. Постановление Губернатора Белгородской области от 4 сентября 2018 г. № 87 «О Совете безопасности Белгородской области» (вместе с «Положением о Совете безопасности Белгородской области») / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

45. Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа от 14 мая 2007 г. № 79 (ред. 16.09.2020) «О Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремист-

ской деятельности» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2007. № 5. Ст. 712.

46. Постановление Правительства Магаданской области от 6 ноября 2014 г. № 947-пп (ред. от 24.07.2019) «Об утверждении государственной программы Магаданской области «Содействие развитию институтов гражданского общества, укреплению единства российской нации и гармонизации межнациональных отношений в Магаданской области» на 2015-2021 годы» // Приложение к газете «Магаданская правда». 2014. № 92 (20744).

47. Постановление Правительства Белгородской области от 2 июня 2014 г. № 205-пп (ред. от 28.12.2020) «О системе мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2014. № 48 (т. I).

48. Распоряжение Губернатора Белгородской области от 28 июня 2019 г. № 522-р «Об утверждении межведомственного комплексного плана мероприятий по противодействию идеологии терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2019–2023 годы» / Сайт «Вестник нормативных правовых актов Белгородской области» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zakon.belregion.ru.

49. Постановление Администрации города Барнаула от 10 декабря 2019 г. № 2059 «Об утверждении Положения о Совете общественной безопасности города Барнаула» // Вечерний Барнаул. 2019. № 190.

50. Постановление администрации Вейделевского района Белгородской области от 4 декабря 2018 г. № 258 «О создании общественно-консультативного совета по взаимодействию с национальными и религиозными общественными организациями в Вейделевском районе» (вместе с «Положением об общественно-консультативном Совете по взаимодействию с национальными и религиозными общественными организациями в Вейделевском районе») // Информационный бюллетень Вейделевского района. 2018. № 170.

51. Постановление администрации г. Кемерово от 10 июля 2017 г. № 1913 (ред. от 31.12.2019) «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика терроризма и экстремизма на территории города Кемерово» на 2018–2022 годы» / Официальный сайт «Электронный бюллетень органов местного самоуправления города Кемерово» [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo-kemerovo.ru.

52. Постановление администрации муниципального образования «город Саянск» от 23 августа 2019 г. № 110-37-933-19 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в муниципальном образовании «город Саянск» на 2020–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

53. Постановление Главы города Кургана от 30 декабря 2014 г. № 287 (ред. от 20.11.2018) «О Совете при Главе города Кургана по вопросам межнацио-

нальных, межконфессиональных отношений и профилактики экстремизма» // Курган и курганцы. 2015. № 3.

54. Постановление Местной администрации Терского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики от 17 декабря 2019 г. № 783-п «О муниципальной целевой программе «Профилактика терроризма и экстремизма в Терском муниципальном районе КБР» на 2020–2022 годы» // Терек-1. 2019. № 145.

55. Постановление мэрии города Ярославля от 26 февраля 2018 г. № 276 (ред. от 29.04.2019) «Об утверждении Положения о департаменте территориальной безопасности мэрии города Ярославля» [Электронный ресурс]. – URL: https://city-yaroslavl.ru/gov/departament-territorialnoy-bezopasnosti/.

56. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 452-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности подпункта «а» пункта 2 статьи 21 и подпункта 51.1 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 1.

57. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1053-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

58. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 2793-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

Монографии, диссертации, научные статьи, учебные пособия

60. Агамбен Дж. Homosacer. Суверенная власть и голая жизнь. – Москва: Европа, 2011. – 256 с.

61. Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, 2017). – Москва: Буки-Веди, 2017. – 110 с.

62. Андреева О.А. Этноконфессиональные конфликты и противоречия как следствие комплекса социальных проблем в полинациональных регионах // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 9–13.

63. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/yekstremizm-religioznyi.

64. Архипцев Н.И., Демко О.С. Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области / Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сборник материалов социологического исследования. – Белгород: Бел ГУ, 2008.

65. Атеистический словарь / под общ. ред. М.П. Новикова. – Москва, 1986. – 512 с.

66. Ахильгов А.М. Преступления экстремистской направленности: понятие, ответственность, профилактика // Молодой ученый. 2019. № 43 (281).

67. Ахильгов А.М. Экстремизм: понятие, сущность, классификация // Молодой ученый. 2020. № 23 (313).

68. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник / автор-сост. проф. В.Ф. Пилипенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва, 2005.

69. Беспаленко П.Н. Римский В.П., Политико-идеологические и социокультурные основания типологии нетрадиционных религий. // Известия Тульского государственного университета. 2009. № 1. С. 3–12.

70. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41–50.

71. Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 160 с.

72. Бокарев С.Н. Религиозный экстремизм в современной России: социально-философский аспект / Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: сборник материалов «круглого стола». – Москва, 2005.

73. Борисов С.Н., Римский А.В. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 114–122.

74. Борисовский А.В., Римский А.В. Дискурс экстремизма, радикализма и терроризма // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 4 (20). С. 98–115.

75. Буткевич С.А. Региональные аспекты предупреждения преступлений экстремистской направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 24–29.

76. Воронцов С.А. Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // Философия права. 2008. № 2. С. 94–100.

77. Воронцов С.А. О причинах и факторах, снижающих эффективность оперативно-розыскного противодействия идеологии и практике экстремизма // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 40–44.

78. Выступление руководителя Центра этнорелигиозных и политических исследований Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации А.В. Журавского [Электронный ресурс]. – URL: http://iam.duma.gov.ru/node/.

79. Ганаева Е.Э. Восприятие религиозного экстремизма в общественном сознании россиян // Молодой ученый. 2016. № 2 (106). С. 666–668.

80. Голованов Н.С. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2017. № 46 (180). С. 193–196.

81. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. – Москва, 2017. – 104 с.

82. Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму: материалы всероссийского круглого стола (г. Казань, 30 ноября 2017 г.) / под ред. С.Н. Миронова. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 73 с.

83. Долин В.А. Религиозный экстремизм в России: юридические технологии в системе правовых средств противодействия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 26–31.

84. Ерыгин А.А. Правовой статус советов безопасности муниципальных образований: учебное пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 67 с.

85. Ерыгин А.А. Правовые основы противодействия экстремизму высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации / Организационно-правовые основы борьбы с экстремизмом (к годовщине утверждения Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации): сборник материалов «круглого стола». – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2016. С. 19–22.

86. Журавский А.В. Религиозный экстремизм: реальность или фикция? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.religare.ru/2_2080.html.

87. Журавский А.В. Религиозный экстремизм и фундаментализм: проблемы дефиниций [Электронный ресурс]. – URL: http// www.religare.ru/article2269.htm.

88. Забияко А.П. Экстремизм религиозный / Религиоведение: энциклопедический словарь. – Москва, 2006. – 1220 с.

89. Зеленина О.В., Суслонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов: научно-методическое пособие. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009.

90. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: БелГУ, 2008. – 243 с.

91. Красиков В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттренов экстремистского сознания. – Москва: Водолей, 2006. – 496 с.

92. Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Экстремизм как политико-правовая категория / Противодействие экстремизму на национальном и международном уровнях: методология, правовые и организационные основы: материалы Все-

российской научно-практической конференции. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. С. 42–48.

93. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: на примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 180 с.

94. Мышак Я.Е. Проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 632–634.

95. Новые религиозные движения в России: учебник. – Москва: РАГС, 2001. – 591 с.

96. Особенности противодействия экстремистской деятельности в этноконфессиональных отношениях: учебное пособие / Н.М. Перетятько [и др.]. – Саратов: Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – 101 с.

97. Пирбудагова Д.Ш., Мусалова З.М. Проблемы взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере противодействию экстремизму // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 3. Т. 19. С. 66–70.

98. Правовые основы организации и деятельности советов безопасности субъектов Российской Федерации: учебное пособие / Э.В. Богмацера, А.А. Ерыгин. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. – 87 с.

99. Пролетенкова С.Е. Субъекты противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 21–24.

100. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. – Санкт-Петербург: Русь, 2018. – 96 с.

101. Римский А.В. Экстремизм и дестабилизация гражданского общества / Государство и гражданское общество на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 октября 2019 г.). – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. С. 76–81.

102. Римский А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма: дис. … канд. филос. наук. – Белгород, 2012. – 159 с.

103. Робберс Г. [и др.] Государство и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). – Москва, 2009. – 719 с.

104. Свобода Религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под общ. ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. – Москва, 2010. – 744 с.

105. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма / сост.: А.А. Смирнов. – Москва: РУДН, 2019. – 196 с.

106. Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

107. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. – Санкт-Петербург, 2005. – 218 с.

108. Троицкая Е.В. Разграничение полномочий в сфере противодействия экстремизму и терроризму между органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Общество и право. 2013. № 1(43). С. 68–67.

109. Философия войны и мира, насилия и ненасилия / под ред. В.П. Римского. – Москва, 2019. – 462 с.

110. Шерникова Д.А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 28–32.

111. Шугрина Е.С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности (к 70-детию со дня рождения профессора В.И. Фадеева) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 186–195.

112. Экстремальный опыт: словарь культуры XX века. – Москва, 1997. – 384 с.

113. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. – Санкт-Петербург, 2003. – 558 с.

114. Экстремизм как цивилизационный вызов: монография / науч. ред. В.Ш. Сабиров. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. – 419 с.

Интернет-ресурсы

96. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https:// мвд. рф.

97. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://genproc.gov.ru/.

98. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/.

99. Сайт Московского комитета по спасению молодежи от деструктивных культов [Электронный ресурс]. – URL: https://ukrsekta.info/static/ksmdk.html.

100. Официальный сайт Правительства Курганской области [Электронный ресурс]. – URL: https://kurganobl.ru/.

101. Официальный сайт Департамента внутренней службы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. – URL: https://deppolitiki.admhmao.ru/.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список экстремистских религиозных организаций, запрещенных в Российской Федерации

1. Религиозная группа Краснодарская Православная Славянская община «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении (решение Краснодарского краевого суда от 05.10.2006 о запрете деятельности).
2. Местная религиозная организация Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
3. Местная религиозная организация Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
4. Религиозная организация Мужская Духовная Семинария Духовное Учреждение профессионального религиозного образования Древнерусской Инглиистической Церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации).
5. Международное религиозное объединение «Нурджулар» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 о запрете деятельности).
6. Общественное объединение Ахтубинское народное движение «К Богодержавию» (решение Ахтубинского городского суда Астраханской области от 17.07.2008 и определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 17.09.2008).
7. Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 07.05.2009).
8. Местная религиозная организация Свидетели Иеговы «Таганрог» (решение Ростовского областного суда от 11.09.2009 и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2009).
9. Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010).
10. Религиозная группа «Благородный Орден Дьявола» (решение Верховного Суда Республики Мордовия от 27.12.2010).
11. Религиозная группа Соколова О.В., Русских В.В. и Петина А.Г., исповедующая, культивирующая и распространяющая идеи доктрины «Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов» (решение Майкопского районного суда Республики Адыгея от 12.12.2008).
12. Межрегиональное объединение «Русский общенациональный союз» (решение Владимирского областного суда от 30.05.2011 и определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2011).

13. Религиозная группа «Файзрахманисты», возглавляемая Саттаровым Файзрахманом Миннахметовичем, Ганиевым Гумаром Гимерхановичем, расположенная в домовладении по адресу: г. Казань, ул. Торфяная, д. 41 (заочное решение Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 21.02.2013).

14. Местная религиозная организация «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области», зарегистрированная 15 сентября 2000 г. Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тюменской области за основным государственным регистрационным номером 1027200003808 (решение Тюменского областного суда от 06.05.2014) (дата размещения сведений: 18.08.2014).

15. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы г. Самары (решение Самарского областного суда от 29.05.2014 и определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2014) (дата размещения сведений: 20.03.2015).

16. Религиозное объединение последователей инглиизма в Ставропольском крае (решение Ставропольского краевого суда от 21.08.2015) (дата размещения сведений: 06.10.2015).

17. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы г. Абинска (решение Краснодарского краевого суда от 04.03.2015 и определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2015) (дата размещения сведений: 11.12.2015).

18. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы города Старый Оскол (решение Белгородского областного суда от 10.02.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2016) (дата размещения сведений: 13.09.2016).

19. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы города Белгорода (решение Белгородского областного суда от 11.02.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2016) (дата размещения сведений: 13.09.2016).

20. Религиозная группа молельный дом «Мечеть Мирмамеда» (решение Самарского областного суда от 22.07.2016) (дата размещения сведений: 27.10.2016).

21. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы города Элиста (решение Верховного Суда Республики Калмыкия от 25.02.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2016) (дата размещения сведений: 30.11.2016).

22. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Орел» (решение Орловского областного суда от 14.06.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2016) (дата размещения сведений: 23.12.2016).

23. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы в г. Биробиджане (решение Суда Еврейской автономной области от 03.10.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховно-

го Суда Российской Федерации от 09.02.2017) (дата размещения сведений: 06.04.2017).

24. Религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящие в ее структуру местные религиозные организации (решение Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2017, апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2017; часть 4 статьи 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») (дата размещения сведений: 16.08.2017).

25. Православная религиозная группа «В честь иконы Божией Матери «Державная» (решение Тульского областного суда от 25.07.2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2017) (дата размещения сведений: 01.08.2018).

26. Религиозное объединение «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Ак-Дян», «JАҢЫ АЛТАЙ-ДВИЖЕНИЕ», «Ак Јаҥ», «Алтай Јаҥ Ак Јаҥ», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера») (решение Онгудайского районного суда Республики Алтай от 11.12.2018) (дата размещения сведений: 19.02.2019).

27. Религиозная группа «Алля-Аят» (иные встречающиеся наименования в зависимости от перевода с казахского языка: «АлльАят», «АлляАят», «Элле Аят», «Алла Аят», «ЭллэАят», «Аль Аят» и другие) (решение Самарского областного суда от 28.05.2019 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2019) (дата размещения сведений: 21.02.2020).

28. Автономная некоммерческая организация «Благотворительный пансионат «Ак Умут» – «Светлая надежда» (решение Кировского районного суда города Казани Республики Татарстан от 25.09.2014, определение Кировского районного суда города Казани Республики Татарстан от 25.12.2014 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 09.02.2015) (дата размещения сведений: 19.05.2020).

29. Хакасская региональная общественная организация духовного и физического самосовершенствования человека по Великому закону Фалунь «Фалунь Дафа» (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 10.11.2020) (дата размещения сведений: 24.03.2021).

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Ерыгин Алексей Алексеевич,
кандидат политических наук, доцент;
Римский Алексей Викторович,
кандидат философских наук

Организационно-правовые основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации

Учебное пособие

Редактор *О.Н. Тулина*
Комп. верстка *И.Ю. Чернышева*

Подписано в печать 2021. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 6. Тираж 55 экз. Заказ

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-377-4